

"Охота на уродов"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Илья Рясной

Охота на уродов

Очнувшись от полусна-полузабытья. Туман чувствовал себя так, что лучше бы вообще ничего не чувствовать, а лежать бездвижно и бесчувственно в гробу.

В углу комнаты валялись два раздавленных каблуком одноразовых шприца, которыми пользовались раз пять. Вчера из них лилась в вену живительная влага и по жилам тек кайф. Сегодня кайфа не осталось. А осталась начинающаяся ломка и лютая злость по отношению ко всему на свете.

Он приподнялся на кушетке, прикрытой толстым ворохом старых одеял и покрывал, огляделся на замусоренную тесную комнатенку, в которой прожил все семнадцать лет своей жизни, и заорал севшим и слабым голосом:

— Э, дома есть кто?

Дома никого не было.

— Сука, — прошептал он, опуская онемевшие ноги на пол и с трудом поднимаясь. Пол корабельной палубой ходил под ногами.

Дорога на кухню далась нелегко, он в кровь расцарапал ногу о гвоздь, торчавший из старой тумбочки, задел покотившуюся по полу пустую бутылку водки. Бутылка была нестандартная, из тех, что в пункте стеклотары не принимают, поэтому маманя ее еще не подмела.

Дверца сломавшегося три месяца назад холодильника, служившего теперь шкафом, открывалась туго, и пришлось дернуть за ручку два раза. Из шкафа-холодильника дохнуло застарелой гнилью Туман поморщился и захлопнул дверцу. Плохо! Как же все плохо!

Интересно, была вчера маманя здесь или нет? Кажется, ее не было. Скорее всего, она ночевала у кого-то из своих вонючих хахалей или просто пристроилась уютно под забором — ночи еще прохладные, но ей не привыкать.

— Падла, — он почесал зудящий затылок. И с сожалением констатировал, что нужно выползть на улицу.

Ползти было недалеко — каких-то триста метров.

Он влез в ставшие уже тесными джинсы, с трудом натянул красную, переливающуюся, с желтой английской надписью ветровку, которая была ему мала, жала в плечах, но дареному коню в зубы не смотрят. Точнее, не дареному, а краденому — ведь куртку он с корешами позаимствовал в Москве у хорошо одетого, но, на свою беду, хлипкого очкастого доходяги.

Подъезд мало отличался от квартиры Тумана — тот же мусор под ногами, тот же запах гнили, только колорита добавляли стены, густо исписанные нецензурными фразами и названиями западных групп.

На улице было тепло, май уже прижаривал отвыкших от тепла жителей Подмосковья, но Туману было все равно зябко — его бил колотун, неизменный спутник кайфа. Солнце стояло высоко, значит, дело близится к полудню. Впрочем, Тумана время особо не интересовало, оно

не значило для него ничего, поскольку торопиться ему было некуда. Из школы его с позором вытурили еще год назад, а от работы лошади дохнут. Хватило того, что покрутился у хачиков на стихийном рынке у Минской трассы, потаскал неподъемные коробки с ножками Буша, просроченными консервами и соками. Там он был два раза сильно бит из-за разногласий во взглядах на чужую собственность, после чего хачиков люто возненавидел, однако к чужой собственности не охладел.

Ноги сами несли его в нужном направлении. Он вышел к длиннющему, отделанному синим и белым кафелем двенадцатиэтажному дому, охватывающему с трех сторон, как крепостная стена, двор с грибками и каруселями. Первый подъезд, код 254. Щелчок — дверь открылась. Справа ступеньки ведут к лифту — Туману туда не надо. Слева спуск в подвал — в самый раз.

На двери подвала висел тяжелый ржавый замок, пытающийся убедить всех в своей надежности. Но он для лохов. Человек внимательный увидит, что скоба вовсе не прикреплена намертво гвоздями, а держится на честном слове. Поэтому достаточно чуть нажать на дверь, и послышится так хорошо знакомый Туману треск, и откроется проход. Остается только аккуратно приладить дверь на место. Все это проделано сотни раз.

Туман пригнулся, чтобы не удариться головой о трубу, о которой он старался не забывать и все равно время от времени набивал шишки. Дальше, через пять шагов, обычно бывает лужа, не наступить бы. Теперь пробраться под выступами, идущими под низким потолком трубами... И вот впереди замаячил электрический желтый свет.

— Здорово, придурки! — ласково поприветствовал Туман собравшихся в подвале людей, толкая грубую, сколоченную из серых, подвернувшихся под руку досок дверь.

Помещение было квадратное, с низким потолком, площадью метров двадцать. Ребята несколько месяцев назад приволокли сюда со свалки продавленный диван, у мусорных баков нашли старую, обшарпанную резную этажерку. В тех же местах разжились стульями. Тюрма стянул откуда-то лампу с оранжевым матерчатым абажуром. А Шварц — даром что на вид полный дурак, но ручки у него умелые — умудрился протянуть электричество. Его же руками был сколочен просторный стол. Стены обклеили фотографиями, преимущественно из «Плейбоя» и дешевых полупорнографических журналов. Так что подвал приобрел вполне жилой вид.

— Здорово, доходяга, — кивнул Тюрма. К полудню в подвал уже подтянулась вся компания.

— Па-па, — колотил ладонью по колену в такт музыке Шварц — похожий на бычка, упитанный, с накачанными бицепсами и трицепсами и мощной шеей. Блаженно закатив глаза, он полулежал на диване, нацепив наушники плеера.

Тюрма — высокий, нескладный, татуированный с ног до головы, с металлической фиксой и злыми маленькими глазками, высунув язык, дорисовывал непристойную картинку на листе бумаги. К рисованию у него были хотя и неразвитые, но зато ярко выраженные способности, поэтому картинка получалась убедительная. Кикимора — плотная, задастая, с уже оформившимися крупными не по годам грудями и шрамом через подбородок девчонка, зевала, устроившись на сваленных в углу кожаных матах, которые год назад в лунную ночь были вынесены из спортзала родной четвертой городской школы.

Все они с детства росли вместе, учились в одной школе. Это было крепко стянутое каким-то непонятным притяжением подвальное братство, сплоченное дихлофосом и клеем «Момент», мелкими кражами и грабежами, не слишком заботящееся о своем будущем и быстро

забывающее прошлое.

— Улетный «герыч» вчера попробовал, — безрадостно похвастался Туман, присаживаясь на мат рядом с Кикиморой.

Та заинтересованно посмотрела на него.

— Раскумариться нечем, — вздохнул Туман. — Ничего не осталось?

— Черняшка у Шварца была, — сказал Тюрьма.

— Ему зачем?

Шварц — единственный в компании не кололся, не нюхал клей, все свободное время он качался. Две гири, которые увезли на тележке прошлой зимой с дачи какого-то москвича, — это Шварцева любимая игрушка. Туман их как-то попробовал оторвать от пола, у него что-то где-то хрустнуло, и теперь он к ним не подходил, стыдясь еще раз продемонстрировать свою физическую ущербность.

— Не знаю, — пожал плечами Тюрьма и вернулся к рисунку, начав тщательно вырисовывать самое интересное место у женщины, при это намеренно его гипертрофируя.

— Э, Шварц, — Туман встал и потряс за плечо приятеля. Тот снял наушники.

— Чего?

— Черняшка где?

— Нет.

— Куда дел?

— Натахе из тридцать пятого дома отдал.

— На хрен?

— Вот именно — на хрен. Она знаешь как языком работает.

— Я думал, ты кореш... А ты мою черняшку этой суке отдал.

— Это моя черняшка была... Я ее купил, — обиделся Шварц.

— Для Натахи?

— Для Натахи.

— Для суки черняшку купил, а другу — от винта? — Туман на самом деле обиделся, хотя, по логике, повода для это никакого не имел.

— Да ладно тебе, — Шварц пожал плечами и опять нацепил наушники.

— Сука! — Туман подпрыгнул и ударил ногой в стенку. Получилось неуклюже — каратист из него был аховый, по ноге пробежала боль. — Бабки есть у кого?

— Ха, — саркастически хмыкнул Тюрьма.

— Не жизнь ни хера! — заводился Туман. — У хачиков денег вагон. У дачников — вагон. А у нас — шиш да ни копя!

Разговор это был старый. И велся не первый год. Заканчивалось все примерно одинаково — компания шла шуршать по дачам или отправлялась в Москву, где можно рвануть сумку или снять куртку с какого-нибудь пацана. Красть Туман любил больше. За рывки его два раза били так, что при воспоминании об этом начинали ныть сломанные ребра. И страх этот въелся в печенки. Лучше всего воровать из дач — зимой, когда ты знаешь, что оставленный хозяевами до теплых времен дом еще несколько месяцев в твоём полном распоряжении. Тогда спокойно, как в магазине, выбираешь товар и знаешь, что платить не надо. Да еще можно приколоться — нагадить посреди комнаты или написать дерьмом на стене что-то веселое, типа «Братья ада».

— Тебе на дозу надо? — поинтересовался Тюрьма, не бросая своего занятия и работая ластиком.

— Ну... Вообще... А тебе чего, бабки не нужны?

— Ну ты скажешь. Как же не нужны. Нужны.

— Ну и где?

— Что где?

— Бабки где лежат?

Тюрьма задумался... В принципе, он часто задумывался над тем, где лежат бабки. К тому же хотелось не жалких копеек, а чего-то более существенного. Чтобы затовариться классно. И чтоб тачка. И чтоб... вообще, как в рекламе...

— Вспомнил, — хлопнул в татуированные ладони Тюрьма. — Знаю, где бабок — как зерна на элеваторе.

— И где это? — любопытствовал вяло Туман.

— В Чертанове. Барыга один.

— По наркоте?

— Ага. Он по крупняку работает. Мелким барыгам поставляет... Хачик.

— Хачик, — оживился Туман.

— Ему бабки за зелье тянут со всей Москвы. А чего? Охерачиваем барыгу. Бабки берем. «Герыч» берем. Как короли будем. Представь, Туман. Все тик-так будет.

— Тип-топ, — кивнул Туман.

— Мне бабки нужны, — оживился Шварц, снявший наконец наушники и прислушивающийся к разговору. — Мотоцикл нужен.

— Сильно нужен? — спросил Туман.

— Сильно.

— Значит, кабздец барыге, — хохотнул Туман. И упал на маты рядом с Кикиморой, которая все так же скучающе изучала плакат — «Муммий Тролль» — на стене. Он ухватил ее за колено, притянул к себе.

— Отстань! — она оттолкнула его от себя.

— А по хайлу?

Кикимора зло посмотрела на него.

— Да ладно тебе, — Туман притянул ее снова. — Пошли, — встал и настойчиво потянул ее в закуток, маленькую комнатенку, скрытую от глаз и использовавшуюся для интима.

Она пожала плечами и отправилась за ним.

Ценность наводки, которую дал Тюрьма, была даже не в информации о том, где живет барыга и когда у него должны быть деньги. Важнее всего было знание волшебного слова, которое послужит ключиком к хитроумному замку этой массивной металлической двери, а так за нее без динамита смешно даже пытаться проникнуть.

Барыга проживал в трущобного вида пятиэтажке, затерявшейся среди вознесшихся ввысь новостроек в Западном Чертанове Туман, увидев этот серый, в цементных заплатах и швах дом, сперва даже усомнился:

— В этом клоповнике барыга живет?

— А чего ему, в Кремле жить? — возмутился куда более искушенный в жизни Тюрьма.

Туману почему-то представлялось, что крупный барыга обязан проживать в роскошных двухуровневых апартаментах с зимним садом и фонтаном и ездить на серебряном «мерее», но эти представления были почерпнуты из боевиков о буднях наркомафии. Личные его соприкосновения с торговцами наркотиками ограничивались общением с самым низом, мелкими распространителями, обычно такими же, как он, пацанами, чаще так же сидящими на игле и мечтающими не о серебряных шестисотых «Мерседесах», а о том, чтобы вечером была доза — спасение от ломки и депрухи.

Дверь, перед которой остановилась бравая четверка, вышедшая на охоту, была солидная, металлическая, с бронзовыми ручками, и стояла не меньше тысячи баксов.

— Звони, — велел Туман Кикиморе.

Та встала перед глазком и с силой вжала кнопку звонка.

Никто не отзывался.

Кикимора вдавила еще раз кнопку и держала ее на сей раз куда дольше, так что если в квартире кто-то был, его этот звонок давно должен был достать.

— Кто? — наконец послышалось из-за двери.

— От Вовы Дуги, — произнесла она. — Он договаривался с вами.

— Договаривался, — прозвучало из-за двери. Если бы дверь была на цепочке и барыга сначала

бы лучше присмотрелся, кто за ней стоит, или просто попросил показать деньги, с которыми дама пришла за товаром, все сложилось бы иначе, и жизни многих людей мирно потекли бы по другому руслу. Но все произошло так, как произошло.

Звякнули запоры. Дверь тяжело отворилась. На пороге стоял невысокий, широкоплечий, с массивной головой и низким лбом кавказец неопределенного возраста — от тридцати до пятидесяти, под его глазами залегли мешки, щеки были небритые. Из-под майки выбивались курчавые черные волосы. Вообще, он весь был волосатый, мясистый, мускулистый, и своим видом наглядно напоминал, что человек, скорее всего, произошел-таки от обезьяны. Его плотно облегали спортивные брюки «аидас», а на босых ногах были пушистые тапочки. Он мутно поглядел, на Кикимору и спросил почти без акцента:

— Бабки с собой? И учти, девочка, тут продают не меньше десяти граммов.

И получил по голове кастетом. Отступил на два шага. Схлопотал еще раз кастетом, после чего мешком рухнул в прихожей на пол.

Азербайджанец был здоровый, череп имел толстый, но и Шварц был не маленький и бить умел. Особенно когда руку оттягивал увесистый кастет.

Туман запер дверь, когда его приятели очутились в квартире.

— Гнида черножопая! — он пнул поверженного барыгу с размаху в ребра ногой, и сладостное ощущение вседозволенности волной прокатило по его телу. Потом пнул еще. И еще раз.

— Хва, — Тюрьма оттащил его от потерявшего сознание барыги.

Кожа на голове у поверженного хозяина квартиры была рассечена, кровь текла на серый палас и впитывалась в него.

Квартира была двухкомнатная, малогабаритная, стандартная — таких в Москве бесчисленное множество. В ней были обычные стенка из ДСП, диван. На столе в углу столовой стояла видеодвойка «Шарп» и двадцатидевятидюймовый цифровой «Филипс».

— Богатый, падла, — осуждающе произнес Тюрьма.

— Берем, — кивнул Туман на телевизор и видеодвойку.

— Ты чего? Не утащим, — возразил горячо Тюрьма. — Берем только деньги. И «белый».

Они наспех обшарили квартиру. Ни денег, ни героина не нашли. Проверили все более тщательно, вытряхивая на пол содержимое ящиков, выбрасывая постельное белье и одежду из шкафов. Вскоре аккуратная квартира выглядела будто после землетрясения. На пользу такой обыск не пошел. Теперь тут вообще ничего невозможно было обнаружить при всем желании, да еще по квартире стало невозможно пройти. У Кикиморы нога попала в брошенный посреди комнаты чемодан, и она растянулась, приложившись лбом о ножку стула.

Поверженный кавказец заворчался, и Туман озадаченно посмотрел на него.

— Надо связать.

Туман и Шварц с трудом перетаскивали тяжелого барыгу в комнату и крепко связали руки женскими нейлоновыми чулками, которые нашлись в шкафу, потом поверх еще несколько раз

обернули руки и ноги телефонным проводом. В рот запихали чистый носок из шкафа, обернув для надежности вафельным грязным полотенцем.

— Где «белый»? Где лавы? Говори, падла черножопая! — Туман нашел на кухне угрожающего вида нож для разделки мяса и подвел лезвие к горлу.

Кавказец, дико выпучив глаза, уставился на лезвие и замычал.

— Говори!

— У него пасть замотана, — заметила Кикимора.

— А ты молчи, соска! — окрысился Туман, но вынул изо рта кавказца носок.

— Нет бабок! Нет геры! Куда пришел? Зачем пришел? — затараторил кавказец, у которого от волнения появился акцент. И тут же получил по плечу отломанной в ходе осмотра ножкой стула.

— Тут тебя и положим, макака!

— Нет ничего. Клянусь хлебом, — загундосил кавказец.

— Ну да, — Туман с размаху полоснул по предплечью хозяина квартиры ножиком, а Тюрьма ударил отломанной ножкой стула по голове, когда барыга взвыл.

— Сейчас тебя буду резать, чернозадый, — Туман надавил на горло кончиком лезвия ножа.

— Я честно говорю.

— Твоя беда.

— Отдам все — отпустишь? — переведя дыхание, дрожащим голосом произнес кавказец.

— Гадом буду, отпущу, — кивнул Туман.

— Там, — барыга показал на угол.

— Ты чего грузишь?! Где там?

— Паркет там. Подними. Увидишь.

Туман сходил в прихожую, залез в ящик, где видел будто специально оставленные столярные инструменты, взял долото и начал выбивать паркет в указанном месте. Под паркетом оказалось достаточно большое пространство, чтобы хранить множество нужных вещей.

— Так его, — одну за другой вышибая паркетины, приговаривал Туман. Наконец, он сунул руку в пространство под полом, пошарил, извлек целлофановый пакет. — Ха!

Он развернул пакет и кинул на софу. Рассыпались, укрыв опавшими листьями затейливо разрисованное покрывало с тиграми, сторублевки и тройка стодолларовых купюр.

— Где «герыч»? — обернулся Туман к кавказцу.

— Все продал, — жалостливо забормотал тот.

— Ты, урюк, ты кого грузишь? Нам такой шелест не по кайфу. Где?

— Правду сказал.

Тюрьма внимательно поглядел на него, потом взял долото и начал раскурочивать паркет по всей комнате.

Через несколько минут он набрел на то, что искали. С другой стороны комнаты, в подполе, был пакет с героином. Там его было граммов пятьдесят — не слишком много для оптового торговца. Правда, сразу видно, что «герыч» чистый, розовый, еще не разбодяженный.

— Отпад, — покачал головой Туман. — От такого улетишь — можно и не приземлиться.

Кавказец, которому опять натянули на лицо полотенце, молчал, но в глазах его было страдание. Он только тихо постанывал, когда на его глазах извлекали героин.

Тюрьма, воодушевленный находками своего друга, начал дальше выковыривать паркетины. Сунул руку под пол. Нащупал что-то большое и гладкое.

— Есть что-то, — он отодрал еще две паркетины и извлек на свет потертый толстый «дипломат» с кодовыми замками.

— Оставь! — испугался азербайджанец. — Это не мое!

— Ага, — загоготал Тюрьма. — Это мое.

— Чего там, «герыч»? — подался вперед возбужденный Туман.

— Не. Что-то тяжеленькое.

— Золото, да? — заволновался Туман.

— Поглядим. — Тюрьма потянулся за долотом, но потом попробовал просто нажать на замок, и тот с щелчком открылся. Еще щелчок. Крышка приподнялась сама, изнутри дипломат распирало что-то мягкое.

Внутри были какие-то разноцветные тряпки. Туман сдернул их.

Тюрьма присвистнул.

В тряпки были завернуты пять пистолетов. Потертых, явно старых, но в густой смазке, по виду вполне годных к работе.

Тюрьма взял один из них. Рукоятка была не очень удобная. Но ощущение смерти, которую держишь в руке, наполнило душу сосущей и радостной тревогой.

— Падай! — хохотнул Тюрьма, направляя ствол на Тумана, который испуганно отпрянул. — Зассал?

— Да пшел ты! — выпятил по-шпански подбородок Туман и растопырил пальцы.

— Пацаны, это вещь дорогая, — воскликнул азербайджанец, которому опять развязали полотенце. — За нее точно найдут.

Туман почесал короткостриженный череп и кивнул:

— Хачик по делу базарит. Найдут.

— И чего? — посмотрел на него Тюрма.

Туман подскочил к азербайджанцу и ударил его ногой по почкам. Несчастный взвыл. Туман нагнулся и снова засунул ему в рот носок, обернул полотенцем.

— Мочить падлу, — злобно скривился Туман. — И все дела.

— А кто мочить будет? — насупился Шварц.

— Все будут. — Туман взял мясорезный нож. Азербайджанец завращал глазами и заорал. Голос едва пробивался сквозь тряпку, но звучал все равно достаточно громко.

— Шварц! — завизжал Туман.

Шварц понял все правильно, и кастет треснул о череп азербайджанца. Тот затих. Туман уселся ему на грудь, зажмурился, обхватил рукоять ножа двумя руками, набрал в легкие побольше воздуха, задержал дыхание и вонзил лезвие в грудь. Нож угодил в кость и пропорол кожу, ушел в сторону.. Туман нанес еще один удар. Еще... Он улетел, как от хорошего «герыча», куда-то в другое пространство. И вернулся из него на восьмом ударе.

— Сука черножопая! — тонко крикнул он. Поднялся. Он был весь в крови. И поймал на себе взгляды своих подельников. Тюрма смотрел на него сосредоточенно и как-то жадно. Шварц — ошарашенно и испуганно, было видно, что он перетрусил и ему уже ничего не надо — ни денег, ни мотоцикла. В Кикиморе испуг мешался с восхищением.

— Ну чего zenки вылупили, мелкота? — Туман протянул нож Тюрме. — Давай!

Тот, не говоря ни слова, взял нож и ударил им в уже мертвое тело.

Шварц отступил к стенке и потряс головой:

— Нет!

— Тогда рядом с ним ляжешь!

Шварц взял нож и наугад ударил куда-то, отвернувшись.

— Обгадился, да? Сынок, — презрительно кинул Туман. Голова у него сладостно кружилась. Он вдруг ощутил себя властелином всего подлунного мира. Он убил человека! Убил легко! И теперь этот мир у его ног!

Кикимора взяла нож. Держала его неуверенно. Судорожно сглотнула. Глаза стали чумные.

— Чего, соска, сдрейфила? — Туман подтолкнул ее к трупу.

Она вздохнула поглубже и двумя руками слабо ударила.

— Хватит. Пошли, — кивнул Туман.

— Ты весь в крови, — сказал Тюрма. — До первого мусора дойдешь.

Только сейчас Туман увидел, что весь перепачкан в крови азербайджанца.

— А правда...

Его взгляд упал на выброшенный из шкафа белый костюм, лежащий на полу в ворохе одежды.

Костюм ему явно был великоват. Пришлось подтянуть брюки повыше. И пиджак был широкий.

— Ну чего? — спросил Туман.

— Хоть сейчас клоуном! — хрипло хохотнул Тюрьма, не переставая облизывать пересохшие губы. — Все, делаем ноги! — он подхватил «дипломат» с пистолетами.

Туман смотрел одним глазом на мушку, пистолет дрожал в руке, и бутылка, поставленная на опрокинутую деревянную полутораметровую катушку из-под кабеля, все не желала попадать в прорезь прицела. Выпучив глаз, будто боясь, что тот сам закроется, он резко дернул спусковой крючок.

Он ждал большей отдачи, но пистолет мягко вдавило в руку, и ствол ушел вверх.

— Бля! — воскликнул Туман, видя, что пуля ушла куда-то в сторону, наотрез отказываясь разбивать злосчастную бутылку.

На песчаный карьер они решили выбраться через пять дней после истории с барыгой. После убийства Туман просидел три дня дома, доедая консервы и сухари, которые притащила мамаша, с трудом вынырнувшая из очередного загула. Все эти дни Туман отчаянно трусил. Он вздрагивал, в желудке становилось пусто, к горлу подкатывала тошнота, когда внизу останавливалась машина. И когда хлопала дверь лифта, он весь сжимался. Он ждал, что за ним придут — или друзья азера, чье оружие они увели, или менты. И при мысли о расплате становилось дурно. Но он забывался, вгоняя в вену героин. «Герыч» был отличный, не разбадяженный зубным порошком и толченым мелом. Это были крылья, на которых Туман взмывал ввысь, чтобы на следующий день вернуться на землю и снова вздрагивать от гула автомобильного мотора.

Несколько дней так и прошли — в чередовании периодов панического страха с полузабытьем от наркоты. Он вовремя сообразил, что погрузился уже достаточно глубоко и пора выбираться на поверхность, как бы это не было в лом.

Похоже, вся компания испытывала схожие ощущения. В подвале с того дня, когда они пошли брать хачика, так никто и не бывал, кроме самого Тумана, спрятавшего «дипломат» с пистолетами в самом отдаленном углу под старым хламом, листами фанеры и кирпичами.

Туман нутром почуял, что пора скликать команду. И отправился к Тюрьме... Через час собрал всех в подвале и сообщил:

— Идем пробовать ствол.

Был извлечен из потайного места «дипломат». Туман засунул один из пистолетов себе за пояс, рассовал по карманам две картонные коробочки с патронами. И все отправились на заброшенный карьер. Это место было печально известным в Московской области, время от времени братва свозила туда трупы с нескольких районов, там же забивались стрелки и происходили разборки по понятиям, и приличный народ туда боялся соваться даже днем. Там

можно было стрелять хоть из пистолета, хоть из автомата — звуки не долетят до чужих ушей.

Бутылки они подобрали на месте и установили их на деревянную катушку Туман долго искал на пистолете предохранитель, потом оказалось, что предохранителя у него вообще нет. Наконец разобрались, как стрелять. Но самый первый выстрел так и не достиг цели. Бутылка не шелохнулась Туман выстрелил еще три раза — с тем же успехом.

— Дай! — сказал Тюрма.

Туман нехотя протянул ему пистолет.

Тюрма обхватил рукоятку двумя руками, чуть присел, как герой боевиков. Тщательно прицелился. Нажал на спусковой крючок Бутылка, выставленная в двадцати метрах, разлетелась вдребезги. Оставались нетронутыми еще четыре бутылки.

— Вот так!

— Откуда умеешь? — подозрительно осведомился Туман.

— Я много чего умею. — Тюрма прицелился небрежно во вторую бутылку... И, конечно, промазал.

— Блин.

Выстрелил еще раз — от бедра. С таким же успехом он мог палить и с закрытыми глазами.

— Дешевка, — махнул рукой Туман.

Шварц, взяв пистолет, с обычной для него нудной аккуратностью прицелился. Он тоже промазал, и Туман воспрянул духом. Дело оказалось вовсе не такое простое. В боевиках с двух рук небрежно кладут по двадцать человек десятью выстрелами. Но так бывает лишь в кино.

— А я? — заныла Кикимора.

— А ты хрен соси, — бросил Туман пренебрежительно. Кикимора насупилась обиженно. Шварц сжалился и протянул ей пистолет, советуя:

— Целься лучше. Вон прорезь. Вон мушка. Кикимора прицелилась. Потянула спусковой крючок. Грохнул выстрел. Бутылка разлетелась.

— Во, бля, — с уважением протянул Тюрма.

— Кикимора — верный глаз, — зло усмехнулся Туман. Она прицелилась еще раз. И вторая бутылка разлетелась на осколки. Девчонка засмеялась и подняла пистолет, чтобы раздолбать последнюю бутылку, но Туман грубо вырвал ствол и оттолкнул ее:

— Позабавилась — и будя.

— Я попала, — с обидой произнесла она.

— Твое дело ртом работать, тварь мелкая, — бросил он, обдавая ее ненавидящим взглядом. — Все, пошли...

И, больше не говоря ни слова, начал карабкаться вверх по склону карьера. Ноги скользили по

песку и скатывались назад, но он упорно лез вверх. Компания нехотя потянулась вслед за ним.

Мать осенила Тюрьму крестным знаменем и прошептала какую-то оберегающую молитву.

— Да ладно тебе нашептывать! — отмахнулся он.

— Береги себя, сынок, — еще раз перекрестила. Каждый день повторялся этот ритуал.

Тюрьма чертыхнулся под нос и потянулся к ручке двери.

Однокомнатная квартирка в хрущобе была тесная, бедная и чистенькая. Мебели было мало. В красном углу висели три иконки, и потолок был закопчен. Мать молилась иконам истово и часто. Сам Тюрьма считал это делом совершенно пустым, но матери обычно об этом не говорил.

Она вздохнула, глядя вслед сыну, за которым захлопнулась дверь, и еще раз осенила его крестным знаменем. На руке ее была затейливая, виртуозно исполненная татуировка.

Сердце за сына у нее было не на месте. Хотя, по большому счету, она знала, что путь его определен раз и навсегда, но боялась признаться себе в этом. Не в ее силах было разомкнуть заколдованный круг. Родился он у нее в тюрьме и, скорее всего, в мир иной уйдет оттуда же. Папаша — интересно, кто он был? У нее были разные предположения на сей счет, но наверняка она утверждать ничего не могла. Однако одно знала точно — это был человек не с одной судимостью, других она по молодости не признавала.

Она еще раз перекрестилась. И стала собираться. Ей нужно в церковь, поставить свечки, помолиться перед ее заступником Николаем Угодником, потом переговорить с батюшкой и идти торговать иконками в лавке Софринского предприятия, производящего церковные предметы. Это занятие приносило какой-никакой доход и наполняло ее благостностью.

А Тюрьма шел легкой походкой по городу. Светило солнце. Настроение, обычно невеселое в последние дни — никак не мог забыть мольбу в глазах того хачика, — сейчас отступило. Этот день вроде не должен преподнести никаких подлостей.

Компашка уже собралась в подвале. Туман успел вогнать себе в вену героин и сейчас отходил. Глаза его были мутноватые, но способность ориентироваться в окружающем мире уже к нему вернулась.

У Кикиморы сиял свежий фингал под глазом.

— Кто тебя? — спросил Тюрьма.

Она не ответила. Ясно — Туман постарался. Он дулся на нее второй день. Причина для тех, кто знал его хоть немного, лежала на поверхности — он не мог простить ей тех двух разбитых меткими выстрелами бутылок и своей неуклюжей стрельбы. Поэтому фингал под ее глазом был закономерен.

— Будешь? — кивнул на шприц Туман.

Тюрьма отрицательно покачал головой. Героином он не увлекался. Пробовал раза два-три, не понравилось, так что предпочитал стакан водяры или хороший косячок. Садиться глубже на иглу не хотелось. Он, родившийся в тюрьме, отлично знал, от чего можно забалдеть — и от

гуталина, и от бензина, но знал, и что делается с людьми после этого.

— Дурак, — загундосил Туман. — Это же «герыч», чистяк!

— Не, не хочу.

— Чмошники. И ты, и Шварц. Кайф им не в кайф, — злобился Туман, который становился раздражительным после дозы героина. — Одна Кикимора — человек.

Он притянул ее и поцеловал. Она посмотрела на него с признательностью и любовью.

Шварц, нацепив наушники, слушал музыку и тягал гантелю методично, как механизм. Эта методичность бесила Тумана, и он зло зыркал на своего приятеля.

Шварц отбросил гантелю и сорвал наушник. И, поймав на себе злой взгляд, спросил:

— Че?

— А ниче! Че делать будем? — уставился на него немного косыми оловянными глазами Туман.

— А че надо делать? — не понял Шварц.

— У нас стволов целый чемодан. А ты железо тягаешь, придурок! — воскликнул Туман.

Шварц засопел обиженно, но промолчал. Разговор опять вышел все на ту же главную тему, вокруг которой велся в последнее время, — что делать с оружием.

Все разговоры сводились к незатейливым и по большей части отчаянно глупым прожекам.

— Давай соседа моего охерачим, — предложил Тюрма. — У него бабок немерено. «Форд» есть.

— Нет, — возразила Кикимора. — Лучше дядьку моего, мамашинного брата. У него свой хозяйственный магазин. И деньги он дома хранит.

Обсуждать это было забавно, но до осуществления планов было ох как далеко.

— А давай мента завалим — предложил Тюрма, который с молоком матери впитал ненависть к людям в серой форме.

— Давай, — не слишком уверенно кивнул Туман. — А на хрена?

— Чтобы их, сук, меньше стало.

В общем, в очередной раз ни ясности, ни консенсуса по этому вопросу достигнуто не было. Разговор зашел в тупик, всем стало как-то скучно, и Шварц сказал:

— Как крысы тут сидим, в подвале. Давай на озеро. Искупнемся.

Предложение было заманчивое. Нагрязнули теплые деньки, и озеро уже прогрелось.

— Пошли, — решил Туман, поднимаясь. — Шевелись, Кикимора. Что, жопой приросла? — он подтолкнул ее.

До озера было идти с полчаса. Тюрма по дороге купил всем мороженое и бутылку «чернил» — какой-то бормотухи, качество которой вполне соответствовало цене.

— Бля-я, — потянулся Туман, прижмуриваясь на ярко-синее высокое небо. Ласковое весеннее солнце немного улучшило его самочувствие и настроение.

Путь лежал через квартал пятиэтажек овощеводческого совхоза, замороженные стройки и обширный холмистый пустырь. Вот и озеро. Место это не пользовалось популярностью у нормальных людей. Там в основном собиралась бомжующая пьянь, которой вполне годилась эта грязная лужа и которая отлично себя чувствовала в густом кустарнике.

Туман скинул ветровку, стянул рубашку и джинсы. Шварц снял майку и с удовольствием поиграл накачанными мышцами. В последние месяцы он активно жрал протеиновые таблетки и мышечная масса его заметно росла, к неудовольствию и зависти хилого Тумана.

— Кикимора, а слабо без ничего искупаться? — крикнул Туман.

— Не слабо! — с вызовом ответила она.

— Ну так давай.

Она скинула платье. С утра она сама рассчитывала уговорить всех сходить на озеро, поэтому на ней был синий с желтыми полосами купальник. Она потянулась к застежке купальника на спине и расстегнула ее. Бомжи, пьющие на берегу отраву, покосились на нее с интересом. Но Туман воскликнул:

— Во шлюшенция! Я хренею!

— Дурак!

— Сама дура.

— Он улегся на землю, оперевшись затылком о старую, дырявую шину, почесал пузо и прикрыл глаза.

Шварц разбежался и с низкого обрыва бултыхнулся в озеро. Туша его шлепнулась так, будто тюлень вошел в грязную воду. С этого места они постоянно прыгали в воду, тут было глубоко и ныряльщики не боялись расшибиться.

Тюрьма разделся, он был татуирован, как дикарь из сельвы, с ног до головы. Почесался под мышками. Разбежался. И тоже сиганул с обрыва.

Так бы день и прошел спокойно, если бы не появление конкурирующей фирмы.

Они шли неторопливо, как стадо животных, метящих свою территорию. Разлилась бутылка и послышались крики — это стадо набрело на бомжей и походя их затоптало. Послышался звук удара, звон — бутылку разбили о голову одного бомжа, а другого повалили и отпинали — быстро, жестоко. Еле передвигая ноги, отхаркиваясь кровью, всхлипывая, бомжи рванулись наутек.

— У, бля, — воскликнул Тюрьма, выпрыгивая из воды на берег. — Хорь со своей шоблой. Ноги делаем!

— А хи-хи им не хо-хо, — хмыкнул Туман.

— Двигаем! — Тюрьма схватил шмотки.

— Да пошли они.

Между тем время было упущено, и смываться было уже поздно.

— Бляха, Туман, — развел руками Рома Хорьков по кличке Хорь. Ему стукнуло девятнадцать годков. Здоровенный, с длинными руками и дефективным лицом, в жизни он, кажется, не собирался заниматься больше ничем, как до старости шататься со своими корешами по улице, нещадно колотить бомжей, случайных прохожих, подворовывать из дач. Со своей свитой численностью человек в десять он твердо решил сегодняшний день ознаменовать приятными приключениями, а для этого старые враги в лице Тумана и его компании подходили как нельзя лучше. С криком команчей на тропе войны шобла устремилась вперед и взяла «тумановцев» в кольцо.

— Тебе чего. Хорь? — спросил Туман, поднимаясь. Послышался визг — это Кикимора попыталась вцепиться ногтями в лицо одного из хоревских подручных, но получила кулаком по ребрам.

— Давно мечтал позирить, как тебя отпидорасят, Туман, — язык у Хоря немного заплетался, он только что принял со своими верными оруженосцами на грудь стакан левой азерской водки, и теперь злобное веселье одолевало его и толкало на подвиги. — Ты у нас Леня. Будешь Лена.

Кикимору прижали двое у кустов и с интересом, сопя, исследовали ее девичье тело.

Шварц, до того накупавшийся всласть и мирно загоравший, присел на коленях, напряженно оглядываясь и нащупывая в своей одежде припасенный кастет. Но шансов отбиться у него было мало. У Хоревских прихвостней были короткие дубинки, да еще блеснул нож.

По сигналу — залихватскому хулиганскому свисту — шобла устремилась на врага. Шварц легко вскочил и с треском впечатал кастет в первый же лоб. Тут же получил дубинкой по голове и рухнул на колени. Далее последовал пинок по ребрам. Он сгруппировался, понимая, что подняться ему не дадут и остается только крутиться на земле, чтобы получить меньше ударов и выжить.

И тут послышался грохот.

Сперва никто ничего не просек. Самый сообразительный, Хорь понял все первым и, увидев направленный ему в живот ствол, неуклюже прыгнул в сторону и припустился прочь.

Шоблу уговаривать долго не надо было. Парни бросились врассыпную, унося ноги.

Туман, который, уходя из подвала, засунул за пояс пистолет, теперь, счастливо улыбаясь, целился в спину убегающему Хорю. Нажал на спусковой крючок. Пистолет отрывисто пролаял еще два раза.

— Ушел, сука!

— И хрен с ним, — трогая разбитую губу, произнес Тюрьма.

— Бля, мог бы завалить щегла! — обиделся Туман на оказавшегося слишком шустрым Хоря.

— Ага, — закивал Тюрьма. — А потом бы тебя легавые загребли.

Туман перевел дыхание. И почесал затылок. Такая постановка вопроса ему в голову как-то не

приходила. Но сейчас он прикинул, что Тюрьма прав. Убивать Хоря на глазах у всех было опрометчиво.

— А если его вечером завалить? — предложил Туман. — Я знаю, где он живет.

— Да на хрен? Он теперь пуганый. — Тюрьма сплюнул кровавый сгусток.

— А как эти пидоры бежали!

— Меньше чем трое на одного наваливаться им запахло! — буркнул Тюрьма. Голова шумела, удар по ней был существенный.

— Так их! — Туман пнул ногой старую шину, в которой зияла дыра — туда вошла пущенная для остротки первая пуля.

Кикимора всхлипывала, пытаясь восстановить целостность разодранного купальника.

— Пошли отсюда! — прикрикнул Туман.

У Кикиморы болела вся филейная часть. Ее папаша, вечно хмурый и нередко пьяный работяга с фарфорового завода, когда дочка пришла в третьем часу ночи, взял ремень и выпорол ее почем зря.

— Шалава растет, ух! — погрозил он ей ремнем и цыкнул на двух ее маленьких братьев, испуганно выглядывающих из спальни. — Не хватало еще, чтобы дочь на Тверской стояла!

— И встану! — с вызовом воскликнула она.

— Ах ты, — он опять замахнулся ремнем.

— Хватит — воскликнула мать, кутаясь в халат. — Она больше не будет.

Папаша вопросительно посмотрел на дочь.

— Буду, буду, буду! — закричала Кикимора.

— Вот блядь выросла! — папаша хлестнул ее по щеке, потом обреченно махнул рукой, обернулся и пошел в спальню.

Кикимора поплелась к себе в комнату, держась за больное место, упала на кровать и лежала, всхлипывая:

— Гад, гад, гад...

Папашка охаживал ее не первый раз. Конечно, обо всех ее выходках он не знал. Но того, что знал, было вполне достаточно для нервной трясушки. Еще три года назад его вызывали в милицию, уведомили, что дочурку застукали в подворотне, когда она нюхала клей с пацанами. От рук она отбивалась чем дальше, тем больше. Школу бросила. Проработала продавщицей три недели, но ее выгнали за отсутствие малейшего желания работать. А полгода назад он увидел у нее в сумке шприц и выпорол так, что она не могла две недели присесть. Ушла тогда из дома и жила в подвале дней десять. Потом заплесневела там, потянуло на нормальную еду, в домашний уют. И вернулась. Отец, осунувшийся и изнервничавшийся, ни слова не сказал ей тогда, пальцем не тронул. А мать все плакала.

Ох, как же болела задница! Ремень у отца был армейский, пригодный для таких экзекуций. И хлестал папашка со знанием дела.

— Ненавижу, ненавижу, — хлюпала она носом. Действительно, из глубин ее души поднималась мутная острая ненависть. Кикимора лежала и мечтала, что будет бить папашу ногами, а тот будет просить прощения. Убила бы... Убила...

В семье Кикимора чувствовала себя чужой. Ее злила курица-мать, которая все кудахтала, что желает ей только добра, выводил из себя раздражительный отец, приводил в бешенство сопливый мелкий братишка, все время ноющий.

Уткнувшись в мокрую подушку, она все-таки заснула. Сон был глубокий. В нем были кошмары, но утром она их не могла вспомнить. Кожа саднила, в одном месте ремень рассадил кожу до крови. Она проглотила яичницу с томатами, которую приготовила мать.

— Ну и что ты дальше собираешься делать? — начала набивший оскомину разговор мать.

— А ниче, — ответила Кикимора.

— Ты о будущем думаешь?

— Да ладно, — отмахнулась Кикимора, набивая рот.

— Чем ты будешь заниматься?

— Квартиры грабить, — вдруг брякнула Кикимора.

— Дура!

— Пока, — Кикимора поднялась со стула и устремилась из квартиры.

В подвале все собрались давно. Разговор зашел о том же, о чем спрашивала Кикимору мать, — что делать дальше.

— Надо дела делать, — гундосил снова Туман. Его распирало оттого, что они являются обладателями огромного богатства — пяти стволов и нескольких коробок патронов — и не могут его употребить в дело. Наверное, так чувствует себя евнух, охраняющий гарем, падкий до женского пола и не способный ни на что.

— А если сберкассу взять, — предложил Туман.

— Какую сберкассу? — возмутился Тюрма. — Ты с трех метров в Хорька не попал! А менты со стволами выскочат — чего ты делать будешь?

— Ты недавно ментов собирался валить, — огрызнулся не терпящий противоречий Туман.

— Я и сейчас согласен.

— Да, — задумался Туман. — Нужно потренироваться.

— Как? — не понял Тюрма.

— Ну, грохнуть кого-то.

— Ну ты даешь, — протянул Шварц.

— Кому даю — мое дело, — кинул зло Туман. — Завалим, посмотрим, как оно, в натуре.

— А кого? — с сомнением произнес Тюрьма.

— А давайте папашу моего! — подала голос Кикимора.

— Кого? — удивился Тюрьма.

— Предка. Козел, житья не дает. Во, — она стянула джинсы и продемонстрировала исполосованный отцовским ремнем зад.

— Не. Сразу нас найдут, — отмахнулся Туман.

— Не найдут, — закапризничала Кикимора.

— Вентиль закрути, — бросил ей Туман, и Кикимора тут же послушно заткнулась. — Надо кого-то со стороны завалить.

— И кого?

— У теплоцентрали на Фруктовой бомжара живет. Его и завалим.

— А чего он тебе? — удивился Тюрьма.

— А ничего... Три года его, суку, знаю. С мамашей моей квасил и квасил. Во, — Туман ощерился, демонстрируя ряд зубов, в котором чернел провал. — Зуб, сука помойная, высадил.

— Давай лучше наваляем, — предложил Шварц.

— Наваляем... Он в два раза тебя шире. Кулак — во... Его мочить сразу надо.

Энтузиазма по этому поводу ни у кого, кроме Тумана, не возникло. Но ему, наконец, удалось уговорить корешей.

— А ты знаешь, где он? — спросил Туман.

— В восемь утра на электричку попрется, — сказал Туман. — У него в Москве точка. Милостыню просит. Я знаю его маршрут.

Рука, которую он держал под рубахой, вспотела. Пальцы впились в рукоятку пистолета, будто замерзли на ней, и, казалось, разморозить их уже не в силах никому.

Сознание у Тумана будто раздвоилось. Одна часть взирала на все с холодным интересом стороннего зрителя. Другая металась где-то в области сердца и гнала по жилам кровь, сжимала все изнутри и толкала в мозг дурные предчувствия и мысли.

Вдруг возникла дурацкая и страшноватенькая картинка — вот он вынимает пистолет, жмет на спусковой крючок, а железяка оказывается бесполезной. И он с Гусем, так звали того татуированного, прошедшего половину зон России бомжа, оказывается лицом к лицу. Какие кулаки у Гуся — он помнил отлично.

Дрожь опять прошла по телу. Туман не верил, что отважится подойти и выстрелить. И мечтал, чтобы Гусь, постоянно отправляющийся по утрам по этому маршруту, на этот раз передумал, или заболел, или его повязала милиция, а еще лучше, чтобы он просто сдох от левой водки.

Раздался леденящий душу вопль. У Тумана едва не выпрыгнуло сердце... Оказалось — вопят сцепившиеся коты.

Туман с трудом разомкнул вспотевшие пальцы и потряс рукой, возвращая в нее кровообращение. Все, пора успокоиться. Тюрьма, маячивший вдалеке, около перекопанной еще полгода назад траншеи, над которой шли широкие трубы, не должен видеть, что он трясется. Туман, мало что знавший в жизни, тем не менее выучил: если хочешь верховодить в шобле, никогда нельзя показывать слабость.

Он глянул на часы «Сейко», которые снял с того же паренька, с которого стянул куртку. Стрелки показывали шесть сорок одну.

Место было заброшенное. Здесь проходила открытая теплоцентраль, дальше располагался покинутый коровник и недостроенные здания овощного совхоза. Гусь выбрал это место, потому что тут тепло и менты заходят редко. Можно было, конечно, отправиться искать его там, в развалинах старой стройки, в заброшенных подвалах и развалившихся строительных вагончиках, но вряд ли там его найдешь. Да и тогда вообще неизвестно, чья возьмет.

Туман, обуреваемый противоречивыми чувствами, ощутил боль в груди. Каждая секунда ожидания отдавалась болью.

Гусь вылез с треском, как кабан, из кустов через двадцать минут и побрел по разломанному асфальту, упорно пытаясь не споткнуться и не рухнуть в раскопанную траншею. Здоровенный, с массивной, поросшей бородой челюстью, широченными плечами, в пятнистом камуфляже, прилично истертом и до неприличия грязном, и новеньких башмаках, которые, скорее всего, получил от международной организации защиты бомжей, устраивавшей бесплатные раздачи одежды и жратвы около Курского вокзала, он брел расхлябанной походкой человека, хотя еще и не наквасившегося, но в жилах у которого уже не первый десяток лет вместо крови течет спирт.

Он смотрел сосредоточенно под ноги, а когда поднял глаза, то увидел в нескольких метрах перед собой Тумана. Наморщился, пытаясь узнать. Узнал.

— Ленька. Оглоед, — икнул Гусь. — Дай червонец на опохмелку.

— Откуда? — зачем-то ответил Туман, ощущая, как решимость окончательно оставляет его.

— У, падла, — Гусь сжал кулак и погрозил ему. — Поймаешь у меня в зубы...

И тут Туман сбросил с себя оцепенение. Дрожащей рукой выхватил пистолет и направил его в грудь Гусю.

Тот удивленно посмотрел на пистолет. Протянул руку, шагнул навстречу Туману. Хотел что-то сказать.

И тут Туман нажал на спусковой крючок. Гусь как ни в чем не бывало сделал еще шаг. И Туман понял, что не попал. Или патроны холостые — пришла в голову дикая мысль. До Гуся оставалось совсем немного, а Туман знал, что неуклюжий на вид бомж, несмотря на свои годы, все еще не утратил прыти и сейчас в прыжке настигнет его, повалит и просто раздавит, как

муху И Туман снова нажал на спуск. Прогрохотал еще один выстрел Гусь отшатнулся и упал на колени. Промылчал обиженно что-то нечленораздельное и тяжело рухнул на землю, забившись в судорогах.

Вокруг Тумана все покрылось каким-то ватным прозрачным веществом. И он двигался вяло, будто преодолевая сопротивление этой среды. Что-то толкало его и заставляло действовать, хотя хотелось просто обернуться и побрести куда-нибудь — безоглядно и бессмысленно. Он подошел к дергающемуся Гусю. Поднял пистолет. Выпалил в голову.

— Атас! — крикнул Тюрма.

Оглянувшись все так же, казалось, медленно. Туман разжал пальцы и бросил пистолет. И устремился прочь от этого места.

Павлов был доволен. После утренних стрельб ему удалось зажить несколько патронов от ПМ, и теперь можно будет попасть в карьеру с Ленкой, блондинистой, с тонкой талией секретаршей из прокуратуры, которая шалела от одного вида оружия. Она подавала надежды, но в постель Павлов затащить ее пока не сумел, и это для него стало вопросом чести.

Он сладко потянулся, представив, как Ленка расстегивает блузку, и...

— Бр-р-р, — он встряхнул головой, отхлебнул из стоявшей на столе бутылки с «фантой», огляделся. Кабинет у него был маленький, с просторным, покрытым плексигласом столом, сейфом и стульями. Конечно, начальнику уголовного розыска, к тому же обладающему такими внушительными габаритами, неплохо было бы иметь кабинет побольше и получше. Ну да ладно...

Насвистывая веселый мотивчик, Павлов выбрался из-за стола, протиснулся в дверь и пошел обходить дозором свои владения. Толкнул дверь кабинета с покосившимся деревянным номерком «три». Там унылый малолетний опер, только что выпустившийся из школы милиции и мечтающий в этот день развалиться на солнышке с подружкой и пить пиво, с видом человека, подвергнутого изощренной пытке, брал объяснение с потерпевшего, у которого увели с дачи насос и велосипед. В другом кабинете оперативники осваивали установленный неделю назад спонсорами новый компьютер — гоняли «Квек-два».

— Хватит ерундой маяться! — начальственно возмутился Павлов. — В делах бардак. А они в игрушки играют.

— Да, сейчас, — рассеянно кивнул игравший, ему сейчас все было до фонаря, потому что каких-то три выстрела осталось для того, чтобы завалить чудовище... Чудовище завалило его. И он разочарованно протянул:

— Гад.

— Работать, я сказал, — прикрикнул Павлов и вышел из кабинета, зная, что работать сегодня никто не будет. Настроение нерабочее, душа рвется на вольные просторы природы.

Аркаша Гомонов, старший опер, спокойный, как танк, пухлый и круглый, прозванный Колобком, но, вообще-то, больше напоминающий пивную бочку, сегодня дежурил и должен был выезжать на происшествия и принимать заявителей.

Заявительница сидела перед ним — миловидная барышня, миниатюрная и растерянная.

Выглядела она экзотично. Ее фирменная, платиново-блондинистая, с химией и прибабасами прическа была безвозвратно испорчена, волосы обмазаны чем-то липким и неприятным, в них запутались куски капусты и моркови.

Павлов ее знал. Звали ее Света, она была сожительницей Золотого — правой руки Плотника, наиглавнейшего местного авторитета, такового бугра на пустом месте. Сегодня, измаявшись от не праведных трудов, Золотой заявился домой, потребовал обед, получил холодный борщ и в сердцах надел Светке на голову кастрюлю. И отбыл в неизвестном направлении. Она обиделась и пришла в милицию с тем, чтобы призвать негодяя к порядку, потому что слышала, что милицию он боится. Во всяком случае кряхтел не раз, держась за ребра, сломанные ему год назад в порыве гнева разъяренным и скорым на расправу Аркашей.

— А чего он так себя ведет? — всхлипнула она, вытаскивая из волос кусок капусты и брезгливо отбрасывая его.

— Не мусорь, — сказал Аркаша.

— Здорово, Светик, — сказал Павлов, заходя в кабинет. Настроение у него было светлое, он подбрасывал в руке зажатые патроны.

— Здравсте.

— Патрончики, — он подбросил патроны и ловко поймал их. — А где пистолет?

— За холодильником, — ответила Света.

— Чего?

— За холодильником. Ванька его там держит. Павлов справился с нахлынувшими вмиг эмоциями и небрежно бросил:

— Поехали. Изыдем.

— Поехали.

Пистолет действительно был за холодильником. Упакованный в целлофан «макарыч» с двумя магазинами, снаряженными новенькими патронами.

— И зачем ему? — спросил Павлов.

— Говорит, нужен, — сказала Света.

Тут послышался звонок в дверь, и на пороге возник сам Золотой, невысокий, смуглый, цыганистый на вид — отец его действительно был цыганом, а мать молдаванкой. Он прибыл из Западной Украины пять лет назад и успел за это время достать весь городок.

— Здорово, Ваня, — поприветствовал его Павлов, открывая дверь.

Тот отшатнулся, прикидывая, как бы улизнуть, но Павлов железной хваткой поймал его за отворот рубашки, втолкнул в коридор, уткнул в стену мордой так, что едва не выровнял на ней все выступы.

Светка наблюдала за этим действием с плохо скрываемым злорадством.

Скосив глаз. Золотой увидел в комнате понятых, ненавистного Аркашу, лежащий на столе пистолет и издал непотребное всхрюкивание.

Павлов обшарил карманы Золотого, не нашел ничего предосудительного, повернул его лицом к себе и гаркнул:

— Откуда пистолет?

— Продала, сука, — зыркнул на Светку Золотой.

— Они сами пришли! — воскликнула Светка, которую перед этим Павлов вразумил, чтобы она держала язык за зубами, и она поняла, что брякнула лишнее, так что теперь испытывала двойственные чувства: мести и опасения расплаты.

— Не мой пистолет! — преданно глядя в глаза начальнику уголовного розыска, воскликнул Золотой.

— А чей? — удивился Павлов.

— Квартира ее. Холодильник ее. И пистолет, наверное, ее.

— А ты его не видел ни разу?

— Нет.

— А откуда знаешь, что он за холодильником был?

— Я предполагаю.

Тут к нему подскочил Аркаша и примерился кулаком. Золотой съежился. Павлов поднял руку:

— Стоп, господа. Держите себя в руках. Золотого оттащили в отдел. Сняли объяснение. И отдали в руки следствия.

— Хорошо, — потянулся Аркаша и потер пухлые руки.

— Хорошо, — согласился Павлов.

— Жалко только, Золотого не поучили, — Аркаша сжал кулак. — Такая гнида.

— Да ладно, — примирительно произнес Павлов. — Тебе надо, чтобы он прокурору заявки писал? Пусть посидит.

— Выпустят же.

— Наверное, — кивнул Павлов. — Но ствол изъят. Палка красивая в отчетность пошла. Как раз под «Антитеррор».

— Может, нам его под «Антитеррор» завалить надо было? — хмыкнул Аркаша.

— Ты злой. — Павлов отхлебнул «фанты».

— Спокойное дежурство. Это первый выезд. Может, все нормально будет.

— Не говори гоп...

И точно — сглазили. В семнадцать ноль-ноль Павлову позвонил дежурный и спросил:

— Аркадий у тебя?

— У меня.

— На выезд.

— Что случилось?

— Там, кажется, жмурик. С огнестрельными. Я группу немедленного реагирования послал.

Павлов повесил трубку и кивнул своему бравому помощнику:

— На выезд. У теплоцентрали кто-то прижмурился. С огнестрельными.

— У, е-е, — покачал головой Аркаша.

Жмурик с огнестрельными обещал не одни и не двое суток ударного труда с неясным результатом.

Обещанный жмурик действительно лежал на указанном месте. Когда Павлов на своем стареньком, дышащем на ладан, но все еще вращающем колеса «Фиате», битком набитом поднятыми по тревоге оперативниками, пристроившись вслед дежурному «жигуленку», подкатил к месту события, там уже толпился народ. Милицейский «уазик» стоял в стороне. Лениво прогуливались «гоблины» из группы немедленного реагирования — в бронжилетах, с автоматами и дубинками.

— Что там? — спросил Павлов у капитана — старшего группы ГНР, ленивого громилы.

— Бомжара какой-то.

Что это был бомж — нетрудно было догадаться. Он лежал на спине. И в башке у него была дыра. Такая же дырка была и в груди.

— Гусь, — всплеснул руками Павлов. — Старый знакомый.

— Да, — согласился Аркаша.

Павлов работал в уголовном розыске пятнадцать лет, и за эти годы Гусь его основательно достал. Этот тип проживал когда-то в поселке овощесовхоза и судьбу свою строил по неизменному сценарию: напился, похмелиться не на что, вытряс из гражданина на улице кошелек, угодил в тюрьму. Иногда он крал, но чаще грабил, пользуясь завидным телосложением. Наконец по пьяни лишился квартиры. Но жить продолжал здесь, в родных краях, где каждый листочек на дереве, каждый дом навеивает воспоминания о беззаботном детстве, когда не надо было искать червонец на бормотень, и вообще птицы пели красивее, а солнце светило ярче.

— Заказуха, — авторитетно заявил капитан из ГНР. — Профессионалы работали. Первый выстрел аккуратненько в грудь. Контрольный — в голову. Оружие сбросили.

— Где? — спросил Павлов.

— Вон «ТТ» валяется. Мы не трогали.

— Заказуха, — Павлов ткнул носком ботинка в кучу лохмотьев, в которые было завернуто массивное человеческое, сильно провонявшее и уже долгие годы бесполезное для общества и для самого хозяина тело.

— Ты чего трепешь? — возмутился эмоциональный Аркаша. — Кому Гусь нужен, его заказывать?

— Может, князь в изгнании? — хмыкнул Павлов. — Дело о наследстве. Агата Кристи. Том десятый.

— Наследник Рокфеллера. Тьфу! — в сердцах сплюнул Аркаша.

— Ты зачем пистолет бросил? — заорал Тюрьма, когда они вернулись в подвал.

— Как зачем? Киллеры в кино всегда бросают пистолет. Менты могут по нему вычислить.

— Во дурак! Укосячил по полной!

— А за дурака по сопатке? — взвизгнул и так взведенный Туман.

— Чего?

— Да ладно, — примирительно произнес Шварц. — Хва.

Туман закусил губу, потом заворчал:

— Такой умный, сам бы и валил.

— И завалил бы.

— Ага. Обгадился бы...

Тюрьма выудил из-за ящиков бутылку «чернил», которые вчера не допили, и жадно присосался к горлышку.

— А мне? — капризно воскликнула Кикимора. Тюрьма только отмахнулся и осушил бутылку до последней капли.

— Жила, — скривилась Кикимора.

Помолчали. А потом полились слова. Шварц и Кикимора не были на месте расправы, и Туман, сбиваясь, сатанея от восторга, который вливался в него откуда-то из потусторонней тьмы, захлеб в который раз рассказывал:

— Я вижу. Гусь уже обделался... Вижу, сейчас на брюхе поползет, начнет умолять... Я чего, садик, что ли? Мне оно не надо. Я ему — молись, гнида... И в грудину шмальнул. Он сразу — херак. Готов...

Тюрьма насупился. Он случившееся не комментировал. И особого восторга не испытывал. Он отлично видел, что Туман едва не сплоховал, ему было страшно, и бомж чуть не отобрал у него пистолет. И что было бы тогда?

— А потом в башку ему... Ничего не чувствуешь. Будто в бутылку стреляешь... Кайф!

Кикимора смотрела на него со смесью ужаса и восхищения. Он был определенно герой ее романа. — Чего молчишь. Тюрьма? — недоброжелательно покосился на него Туман.

— Большая заслуга — бича замочить, — буркнул Тюрьма.

Наконец разговор иссох, как источник в пустыне... Вернувшись домой, Туман хорошенько укололся, так что едва не перебрал дозу. Долго отходил. Потом раскумарился... Сперва в квартире он был один, валяясь, уткнувшись в грязные простыни. Позже приплелась маманя, полупьяная, злая, с фингалами под обоими глазами.

— Народец, — хрюкнула презрительно она. — Бутылку жалко на улице оставить.

Она жила, собирая бутылки, и вела за место под солнцем постоянные бои, которые по накалу страстей могли дать фору мафиозным разборкам.

— Дома — шаром покати, — гнусаво ворчала она, обшаривая неработающий холодильник и шкафы. — Балбес вымахал, а я за ним ходить должна, кормить с ложечки. "

— Ты, харя! — возмутился Туман, наконец начавший выныривать из наркотического забытия.

— Выкормыш! Гаденыш!

Туман схватил табуретку и запустил ее в маманю. Табуретка угодила ей по руке. Маманя, опустившись на пол, обхватила голову и взвыла во весь голос:

— Уби-ил! Убил, паскудник! Сыночек родной, уби-и-ил!

— Заткнись! — взвизгнул Туман, подскочил к ней и пнул ногой.

Подействовало — маманя замолчала, опасливо глядя на сыночка.

— Еще квакнешь — убью... И тебя, и хахалей твоих!

— Гад паскудный, — прошептала маманя, тяжело поднимаясь, и прошаркала на кухню.

Самочувствие у Тумана было отвратное. Очнувшись в очередной раз, ощущая, что его бьет колотун, а во рту будто птицы нагадили, он побродил кругами, как робот, по замусоренной пустой квартире и обнаружил, что почти тысяча рублей — те самые, которые забрали у азера, пропали из кармана.

— Вот падла, — прошипел он, вскипая.

Если бы в тот момент он застал маманю, порвал бы ее, как Тузик грелку. Но ее в квартире не было. Зато на кухонном столе присутствовали вещественные доказательства ее загула — среди ошметков ветчины и воблы, рядом с пластмассовой бутылкой «фанты» возвышалась пустая бутылка из-под «Мартини».

— Ни хрена себе! — оторопело уставился на бутылку Туман, пытаясь врубиться, что это такое.

Он знал, что эта бутылка в магазине стоит три сотни рублей. И полагал, что маманя скорее сдохнет, чем купит что-то дороже дрянного спирта, размешанного с водой и клофелином для большего кайфа и меньшего градуса, который гонят азеры и продают из-под полы за бросовую цену. Но никто «Мартини» приволоочь в дом не мог. Получается, купила ее маманя. Из тех самых рублей. Чего ее дернуло? Может, какое-то дремлющее внутри желание хоть один вечер

пожить красиво и насладиться дотоле неведомым ей таинственным напитком, воспринимавшимся как амброзия. «Я хочу жить красиво», — несколько раз заявляла она, когда пила особенно много и особенно дрянную водку. И вот, кажется, мечта ее сбылась.

В общем, маманя выжрала бутылку «Мартини», забрала все деньги и смылась, небезосновательно опасаясь гнева своего сына.

— Прибью суку.. Застрелю, — пробурчал он... Самое хреновое, что деньги были последние. Оставалась еще доля «герыча», которую он получил в результате дележки — после всего у него было граммов десять, количество огромное, на полтысячи долларов потянет. Но расставаться с чистейшим розовым героином он не хотел. В крайнем случае разбавит побольше и начнет толкать по «чекам» — дозам в одну десятую грамма, благо желающих полно. Не тут, так в Москве. Но это на крайняк.

На улице было тепло. Казалось, что тротуары превратились в палубу океанского лайнера. Ощущение знакомое. Пока Туман еще мог заставить себя самостоятельно слезать с иглы, но с каждым месяцем это становилось все труднее. Со временем от ломки без метадона не избавиться. Но это когда еще будет!

В подвале было пусто. Он полез к тайнику, вытащил оттуда «дипломат» со стволами. Взял один пистолет. Вернулся в комнатенку и стал замороженно его рассматривать. Он гладил его гладкие формы, при этом возникало сладостное ощущение, будто он гладит желанную женщину. Это возбуждало.

Послышался шорох. Туман обернулся, выставив перед собой пистолет.

— Убери! — нервно воскликнул Тюрма.

— Ты чего?

— А ты чего?

— Сижу. Вас жду. Где все?

— Шварц свою долю героина продает. На мотоцикл почти собрал. Кикимора дома сидит. Ее предок запер.

— А ты?

— А что я? У меня маманя в Валаамский монастырь с паломниками укатила.

— Делать ей не хрена?

— Она верит, — в голосе Тюрмы неожиданно появились теплые нотки. — Ее право.

— Ну да, — отмахнулся Туман. — А моя все бабки стырила.

— Бабки-бабули нужны. Иметь ствол и стрелять в бомжей, — презрительно покачал головой Тюрма. — Козырно жить можем!

— Бомжей, да... Ты сам согласился!

— Теперь делом надо заняться.

— И чего? Банк взять?

— Поехали в Москву. Может, что надыбаем. Часы показывали начало второго.

— Поехали, — кивнул Туман.

В три часа они вышли на площадь трех вокзалов. У Тумана было возбужденное состояние. Пистолет за поясом электризовал его. Но было жутковато, что могут накрыть с оружием. Любой мент подойдет... Не, менту просто так он не дастся. Пистолет готов к бою. Пусть сунутся, пусть попробуют!

Несколько часов они бродили, продираясь сквозь толпу, по огромному, роскошному городу, глаза на сказочные витрины дорогих супермаркетов, от которых отъезжали «мерсы» и джипы. И Тюрьме и Туману стало тоскливо — они понимали, что и дальше вся эта шикарная жизнь будет катиться мимо них. А хотелось это изменить...

— Смотри, если зайти, охраннику в лоб стволом, — кивнул Туман на стеклянные двери обменного пункта.

— Там стекла пуленепробиваемые. Этот город будто ждал, чтобы его разграбили. Он вдушал алчные мысли.

— А вот сберкасса. Если охраннику в лоб, то...

— Не пройдет...

Город вовсе не желал делиться своими богатствами, даже если ты — с пистолетом.

Время шло незаметно. Уже начало темнеть, и стрелки часов подвалили к девяти. Последняя электричка отходила в одиннадцать.

Они забрели в жилые районы у метро «Авиамоторная». Туман уже решил и рванул было к «Форду» с тонированными стеклами, остановившемся у тротуара. Сжал пистолет. Но оттуда вылезли два амбала, один из них мрачно посмотрел на Тумана, и тот сник.

Тумана все больше раздражала абсурдность ситуации. Рядом баксы рекой текут, а тут у них пистолет, и добычу найти не могут.

— Давай его! — предложил Туман.

Они ринулись к пацану в подворотне, но тот, поняв, в чем дело, с завидной резвостью сделал ноги.

— Козел, — буркнул Туман.

— Быстро бегают, — покачал головой Тюрьма.

— Москвичи ссыкливые.

Наконец они вышли на тихую, безлюдную улицу, по одну сторону которой шли какие-то развалины, по другую — пятиэтажки, в них загорались желтые люстры, издали слышался собачий лай.

Метрах в двадцати перед ними, не доезжая нескольких метров до желтовато мерцающей

витрины ларька, остановился белый «Ниссан», из него вылезла тетка — такая толстая, что машина аж приподнялась, с облегчением избавившись от ее туши.

— Смотри, коза упакованная, — воскликнул Тюрьма.

— Ну. В ушах вон какие серьги. И бабок наверняка в сумке полно.

— Ну?

— Хрен гну!

Туман, набрав побольше воздуха, устремился вперед. На ходу выхватил пистолет и крикнул:

— Эй, корова! Серьги, сумку, бабки!

Тетка, сжимая объемную, крокодиловой кожи, сумку, удивленно посмотрела на него. Она прищурилась и протянула нараспев, с вызывающей интонацией торговки с сорокалетним стажем:

— Чег-о-о?

— Убью! — Туман выразительно махнул пистолетом.

Тетка размахнулась и с чувством вlepила ему крокодиловой сумкой по голове. Стук получился деревянный, с чмоканьем — полноценный такой, вкусный стук. В сумке было что-то тяжелое. Туман ошарашенно отступил на несколько шагов и нажал на спусковой крючок.

Бах!

Выстрел показался оглушительным. Но потом возник еще более оглушительный звук — это во весь голос визжала тетка, схватившись руками за голову и глядя на аккуратненькую дырочку, появившуюся в дверце ее машины.

Туман позорно бросился бежать. Тюрьма устремился следом за ним. Голос толстухи еще долго завывал вдалеке, а потом к нему присоединился вой милицейской сирены.

Шварцу удалось выгодно сбыть доставшуюся ему долю героина, он прибавил предыдущие накопления и по дешевке приобрел «шестерку» — старенькую, но вполне годную. Руки у него были золотые, так что смотрелась она вполне.

— Красавица, — твердил он, с гордостью протирая тряпкой мятый бок своего мустанга.

Вся компания собралась во дворе дома Шварца и обозревала приобретение.

Тюрьма снисходительно улыбался — он не мог понять пристрастия людей к этим железякам: и почему их почти одушевляют, готовы тратить на них последнее.

— Банка консервная, — презрительно скривился Туман. — Колеса на ходу отвалятся.

— Да ладно, — махнул рукой Шварц.

— Чего ладно? Закрутел теперь, да?

— Ты чего? — удивился Шварц, сжимая тряпку и глядя во все глаза на Тумана.

— А ниче! — Туман сплюнул.

Он привычно исходил желчью. Ему не нравилось, что Шварц имеет машину и права, что он умеет водить. Кикимора оценила приобретение по-своему:

— Интересно, как грахаться на заднем сиденье?

И заработала пинок от Тумана, так и не поняв, за что, собственно.

Злоба одолевала Тумана все больше. Он умудрился максимально сбавить дозу героина, закатываемого ежедневно в вену, и, по его расчетам, порошка должно было хватить еще надолго — в сутки уходило не больше двух десятых грамма.

После того позорного бегства от толстой тетке шишка еще долго украшала его низкий лоб. В сумке действительно было что-то увесистое и твердое. А шишка была напоминанием о том, что не все в мире происходит так, как хочется.

Вместе с зависимостью от наркоты у Тумана росла аналогичная зависимость от пистолета. Он уже не расставался с ним ни на миг, рискуя ненароком залететь. И не мыслил, как выйдет из дома без оружия. Без пистолета он ощущал себя маленьким, а с пистолетом будто прибавлял в росте, наливался силой.

Ему снова хотелось испытать, как пистолет бьет в руку отдачей и пуля устремляется в цель — в человека. Никакой радости стрелять по банкам. Оружие создано для того, чтобы убивать. И запахло использовать его на другое.

Тюрьма после неудачного разбоя как-то сник. И разговоры о рациональном использовании оружия если и заходили вновь, то как-то быстро затихали.

Дни тянулись вяло. Денег не хватало. Подвальные братья ограбили как-то темной ночью чью-то дачу на Васильевской пустоши. Что наворовали — по дешевке тут же и толкнули.

— И это при четырех стволах и мешке патронов, — обиделся на жизнь Тюрьма. — В «Морозко» бабок нет зарулить.

— Все, на хер, — воскликнул Туман. — Надо искать, кого трясти.

В тот вечер Туман и Тюрьма решили обуть какую-нибудь тачку. И вышли на промысел. Но ничего достойного не попадалось. Или какая-то рухлядь, даже магнитолы нет, или мигала противоугонка, или места были людные, или ментовская машина проедет. Близилась полночь.

— Невезуха, — сказал Туман.

Они дошли до конца улицы Браермана и вышли к глухому забору гаражного кооператива. Здесь город заканчивался.

— Давай обратно, — предложил Туман. Тут Тюрьма остановился как вкопанный.

— Ни фиги себе! «Крузер».

— В натуре, — кивнул Туман.

— И, кажись, противоугонка не мигает. Какой дундук его сюда поставил? — Подойдя к «Лендкрузеру», Тюрьма провел рукой по гладкой лакированной синей поверхности. — Красавец.

Действительно, мощная машина с широкими шинами, гнутым бампером, на котором пристроились противотуманные фары, с тонированными стеклами и всеми возможными прибабасами, внушала уважение и какой-то трепет.

— Вот такую тачку нужно иметь, — воскликнул Туман. — А не дерьмо металлическое, как у Шварца.

— Знаешь, сколько джиповые навороты стоят? — Тюрьма подошел к противотуманным фарам и начал деловито отвертывать одну из них.

Туман бродил кругами, приискивая, чем бы взломать дверцу. В салоне лежали объемистые пакеты. Нет, воистину нужно быть кретином, чтобы оставить такую тачку в глухом месте.

Зачем ее там оставил хозяин — так и осталось непонятным. Но оставил ненадолго. Он уже появился из-за гаражей. В темноте мигал красный огонек его сигареты.

Хозяин на миг застыл, удивленно глядя, как какой-то мелкий прыщ расковыривает его драгоценный «Лендкрузер». А потом гаркнул:

— Чего, шпана, припухли?

Туман еще пару месяцев назад при таком оклике тут же сделал бы ноги, но теперь, выпятив грудь, поинтересовался:

— А ты кто такой?

— Жора Плотник. Что, гниденыш, не слышал о таком? — Жора приближался. Фигуру он имел внушительную и немало преуспел в вольной борьбе. Так что на случай драки соотношение сил было примерно такое, как если бы два «Запорожца» надумали задавить танк.

Туман, конечно, слышал о Жоре Плотнике, главном городском авторитете, державшем две бензозаправочные станции и городской рынок. И еще недавно одно это имя возымело бы волшебную силу — улепетывал бы он, только пятки сверкали. Но порой даже два месяца — это время, за которое человек полностью меняется. И Тумана будто злая сила потянула за язык, и он бросил, ощущая, как голова сладко кружится от собственной дерзости:

— Пидор ты, Жора!

— У, блин, — больше удивился, чем разозлился Плотник, развернул плечи и ринулся на таран. Первым на его пути находился Тюрьма, не разделявший куража своего приятеля и уже проклинавший все на свете. Связаться с Плотником — это надо додуматься!

Тюрьма проворно отскочил в сторону. Плотник не успел его сграбастать, иначе Тюрьма угомонился бы надолго...

— Передавлю, сопляки! — взревел Плотник. И ощутил, как в спину его что-то тупо ударило. Грохот он услышал позже... Он покачнулся. Нашел в себе силы обернуться, еще не понимая до конца, что происходит. Земля качнулась под ногами. Будто загудели где-то внутри электрические провода и сознание начало уплывать.

— Уроды, — прошептал он с каким-то укором.

— Пожалуйста, — Аркаша, зайдя в кабинет начальника уголовного розыска, кинул «Московский комсомолец» на стол. — Статья «Открыт сезон весенней охоты».

— Ну да, — кивнул Павлов.

— «Передел сфер влияния в Подмосковье. Убит известный авторитет».

— Кому это он известен?

— Теперь всей России.

Для районного масштаба событие было действительно из ряда вон выходящее. Конечно, их захолустный подмосковный район — еще далеко не столица. Но тут проходила трасса на Минск, стояли бензозаправки. И снова запыхтел, очухавшись, фарфоровый завод. Худо-бедно давал какую-то продукцию, производил соки и томатную пасту овощесовхоз. Так что денежки водились, а значит, братве было что делить. И свои разборки были, и стрельба гремела в свое время вовсю. Но уже два года как все утряслось. В криминальном мире прочно утвердился на командных высотах Плотник со своей командой. Будучи человеком разумным и спокойным, никого он особо не напрягал, давал и другим жить, но за свой кусок был готов горло выгрызть. Ничего не предвещало новых криминальных войн. Угрозыск братву особо не трогал, пока та занималась своими делами и не лезла в примитивную уголовщину. Однако время от времени беспокойные птенцы гнезда Плотникова то лепили несанкционированный «папой» разбой, то ставили на уши какой-нибудь кабак, тогда Павлов их с удовольствием вязал, возил мордой об стенку в своем кабинете, опускал в самую «лучшую» камеру, а потом с интересом наблюдал, чем закончится дело. Обычно кончалось ничьей — шла отстежка в суд или прокуратуру, и бандиты получали условные сроки.

— Чего ты за этих подонков башляешь? — спросил как-то Павлов у Плотника, когда тот отмазывал влетевших на грабеже своих орлов — они сняли сережки с заезжих шлюх и еще отмордовали девах. — Они тебе что, так дороги?

— Пойми, Кондратьич, это моя братва, — виновато развел руками Плотник. — Если я их не буду отмазывать, уважение потеряю.

— М-да.

— Но я не в претензии, если ты им своей властью все кости переломаешь.

— А это уж тебя не спрошу.

Пакта о ненападении между розыском и бандатвой не было, хотя Плотник неоднократно пытался подъехать к Павлову с предложением спонсорской помощи, притом весьма щедрой. Павлов имел воспитание старорежимное, которое в новых условиях не способствует наполняемости карманов, и всегда посылал районного авторитета коротко и емко. Вообще-то, он с радостью привлек бы к уголовной ответственности и самого Плотника, но формально было не за что. Он числился бизнесменом. И пусть им РУБОП занимается.

Но вот только раскрывать убийство приходится розыску.

Первые сутки оперативники по наработанной методике рыли землю — дом за домом обходили

жителей, опрашивали каждого, устанавливали, чем занимался Плотник последние часы своей жизни, составляли списки друзей и врагов. И ничего интересного так и не нашли. Выяснилось, что Плотник за каким-то чертом поехал к гаражам — это в десяти минутах ходьбы от его дома. Что ему там понадобилось — так и осталось без ответа. Киллер поджидал его у оставленной машины. В карманах у криминального авторитета лежало триста баксов, но их не взяли. Значит, версия ограбления отпадает.

Аркаша уселся на стул напротив Павлова и закурил. Тут в дверь постучали. Двое оперативников втолкнули в кабинет Золотого. В помещении, и без того тесном, стало вовсе не повернуться.

— По кабинетам, — кивнул Павлов операм и поглядел на Золотого. — А ты садись.

— Я лучше присяду, — невесело хмыкнул Золотой. Он отпарился в камере за тот самый извлеченный из-за холодильника пистолет трое суток. Потом дело начало увядать. С доказательствами было дело швах. Светка взяла обратно свои слова, что пистолет принадлежал Золотому. И он вышел на свободу, вернулся к ней, наставил ей фингал. И после этого они опять зажили, как голубки.

— Ну что, Ваня, кто твоего пахана завалил? — спросил участливо Павлов.

— У вас хотел спросить.

— А ты наглец, — покачал головой начальник розыска. Аркаша встал позади Золотого и положил ему на плечо тяжелую руку, так что тот нервно заерзал на стуле.

— Да откуда я знаю!

— А я тебе скажу, — кивнул Павлов. — Кто второй человек в бригаде? Ты.

— О какой бригаде речь?

— Не об овощеводческой, Ваня... Ты второй человек. Амбиций у тебя — тьма... Ты в курсе, что Плотник собирается по каким-то своим делам к гаражам. Поджидаешь его. И дальше — один выстрел, и решение всех проблем.

— Я? Андрюху чтобы?! — завопил Золотой, пытаясь подняться со стула, но Аркаша резко вдавил его обратно. — Да я б лучше в омут башкой!

— Не свисти. Золотой. Нам твой кураж не убедителен, — сказал Павлов.

— За каким хреном мне Андрюху валить? Весь бизнес на него записан. И все концы у него. Сейчас в бригаде раздрай начнется. Те суки, кто тихо сидели и вякнуть боялись, теперь послабуху требовать станут. Это мне надо? У меня при Плотнике не жизнь, а малина была.

— Кто его мог заказать?

— Не знаю!

— Все ты знаешь.

— Слышь, мужики, как на духу, — ударил себя в грудь Золотой. — Если бы хотя бы что было — незаплаченные долги, разборки! Хотя бы кого напрягли в последний год не по понятиям! Ничего! Все чин-чинарем было, культурно. Все утрясено. Живи да радуйся.

- Все не может быть утрясено, — заметил Аркаша.
- Почти все. И с московской, и со смоленской братвой договорились. Все путем было.
- Всегда будет кто-то голодный, кому ваше процветание не по нутру, — сказал Павлов.
- Не знаю.
- Вон, голодная молодежь подрастает.
- Так ведь не подросла еще.
- Подрастет.
- Тогда они всем дадут просрать, — задумчиво протянул Золотой. — Но это когда будет.
- Золотой, не крути, — похлопал его по спине Аркаша. — За что завалили Плотника?
- Я же все сказал! Мы сами расследование устроим...
- Дашь знать, если что узнаете? — спросил начальник уголовного розыска.
- Поглядим.

Павлов побарабанил ребром ладони по столу, внимательно посмотрел на Золотого — тот, кажется, был искренне удручен смертью своего пахана.

- Ладно, двигай отсюда. Золотой встал. Потом сказал:
- Святослав Кондратьевич. Нащупаете что-то — нам свистните. Мы сами все порешаем. Нам суды и прокуратуры ни к чему.
- Иди, мафиози...

Туман зачитал газету до дыр и замучил цитатами всех своих приятелей.

- «Наши источники в правоохранительных органах полагают, что известного авторитета ликвидировали конкуренты, и это является началом нового передела сфер влияния»... Ха-ха, — он был уже несколько дней лихорадочно возбужден.

Шварц тягал эспандер, и ему были до фонаря восторги Тумана. Кикимора зевала, съезжившись в углу подвала на диванчике.

- Тюрьма, слышь, «конкуренты убрали».
- Ну и чего? — Тюрьма откровенно скучал.
- Передел сфер влияния.
- И чего?
- А, может, мы правда конкуренты... Вон, кончили Плотника. И остальных кончим. И рынок оужный наш будет. Азеров на колени поставим.

— Ну тебя на хер, — отмахнулся Тюрма.

— Что на хер?.. Конкуренцы... Ха-ха... Круто мы поднялись, ха! Зад мне будут лизать еще. Крутизна? Мы крутизна! — ударил Туман себя в грудь.

Он будто съехал с катушек. Его переполняла дурная энергия.

В нем крепла уверенность, приобретающая какие-то маниакальные формы, что теперь ему и море по колено.

Однако дела вовсе не спешили налаживаться. Денег все так же не было. Но Туман решил, что вскоре все изменится. И вот, посмотрев на своих корешей, скучающих в подвале, он резко заявил:

— Все. Шварц, Тюрма. Завтра едем.

— Куда? — лениво полюбопытствовал Тюрма.

— В Москву.

— На хрена?

— На уши ставить торгашей...

— Чего?

— Я магазинчик присмотрел. Нам туда наведаться надо бы.

— Чего придумал?

— А ничего!

Магазин «Электромир» располагался в Бибиреве. Он открылся год назад на месте продмага и состоял из одного просторного зала с розовыми стенами и идущими рядами по потолку светильниками. Кондиционер трудолюбиво гонял прохладный воздух. Торговали здесь видеоаппаратурой и бытовой техникой. Цены были круче, чем на оптовых рынках радиоаппаратуры, а потому залы пустовали, если не считать пары посетителей, которые, кажется, пришли сюда как на выставку, и высокой стареющей блондинки, выбирающей аудиоцентр. Уборщица старательно драила полы из черного кафеля. На витринах и полках ждали своего покупателя телевизоры, видеодвойки, пылесосы.

Обслуживающий персонал — до тошноты вежливые и притворно улыбающиеся возможным клиентам чистенькие молодые девицы и парни в белоснежных аккуратненьких рубашках и блузках с прилепленными карточками, на которых указывались их фамилии-имена, откровенно скучали. Туман их возненавидел с первого взгляда: сытые твари, похожие на манекенов, как из пластмассы сделанные. Они-то уж вряд ли голодали, когда мамаша за день пропивала все деньги, на которые нужно было кормиться месяц. И их не колотили дубинкой менты, извлекая ночью из обкраденного ларька. И на него они смотрели с вежливым презрением, потому что не видели в нем покупателя, зато готовы были зад вылизать тем, кто достанет «лопатник» с баксами. Ох, как же вытянутся сейчас их самодовольные хари.

— Давай, — кивнул Туман.

Тюрьма достал пистолет, передернул выразительно затвор, упер ствол в лоб кассирше и заорал истошно:

— Не дергаться, падлы!

Здоровенный, в форменной рубашке с надписью "ЧОП «Гард», сытый, ленивый, ширококостный, с бычьей шеей профессионального борца, уверенный в своей силе охранник перед этим, вытянув ноги и скрестив волосатые руки на груди, сидел на стуле, лениво присматривая за пацанами, зашедшими в магазин. Он ожидал, что они могут втихаря что-то стянуть. Но того, что произошло, ему и в голову прийти не могло. Он потянулся к кобуре на поясе, но Туман, ослабившись, повел в его сторону стволом:

— Давай, дернись, сука!

Он ненавидел этих уверенных в себе битюгов, которые могут его перешибить соплей. Теперь Туман может отправить его на тот свет одним движением пальца. Ликование рвалось наружу, и он счастливо захохотал.

— Кассу! — орал Тюрьма. — Быстро!

Девчонка трясущимися руками вытряхнула кассу. Денег, вопреки ожиданиям, там было немного — несколько пачек сторублевок — тысяч двадцать пять. Налетчики не знали, что крупные деньги хранятся у директора в кабинете. Да и времени не было.

— Покедова, — смахнув деньги в целлофановую сумку, Тюрьма устремился к выходу.

Туман все еще держал на мушке охранника... Тот неожиданно зачем-то приподнялся со стула... И Туман с наслаждением, плавно вдавил спусковой крючок. Пуля отбросила охранника назад, и он со стуком врезался в стену.

— Говорили — не дергайся...

Вобла была настоящая — ее два дня назад привез из Ярославля однокашник Павлова по милицейской школе. А пиво все то же — «Балтика» номер три.

Пива было много — бутылок пятнадцать. Но могло и не хватить, учитывая габариты двух богатырей — Павлова и Аркаши.

Маленький телевизор «Самсунг» в углу просторной комнаты однокомнатной холостяцкой квартиры вещал что-то о разгуле терроризма. Показывали набившие оскомину кадры взорванных домов, бьющихся в истерике, отчаявшихся людей. Террористы опять угрожали.

— Чую, «Вихрь» введут, — покачал головой Аркаша и отхлебнул из стандартной поллитровой кружки, похищенной лет пять назад Павловым из ближайшей пивнухи.

— Достали они все, — покачал головой Павлов. Как началась чеченская война, антитеррористическую операцию «Вихрь» вводили постоянно — это означало двенадцатичасовой рабочий день и прощание с выходными, а заодно множество планов и мудрых мероприятий, которые планировали штабные крысы, полностью оторвавшиеся от реальной жизни. В итоге личным составом овладевала апатия, нежелание вообще что-то делать, и результат получался обратный тому, что был задуман, — то есть вовсе не повышение бдительности, а всеобщий пофигизм. Спецрежим не должен затягиваться на месяцы.

Максимум — трое суток, тогда будет эффект. Это все понимали. И все равно все продолжалось по-старому.

— На черта, спрашивается, нам бен Ладен сдался? — махнул рукой Аркаша. — У нас вон своих два жмурика за месяц.

— Жмурики, жмурики, — Павлов откинулся на диване и посмотрел в окно, где уже зажглись фонари. Во дворе завывала противоугонка. Слышался стук домино. С пятого этажа доносилась странная, тупая музыка. И настроение у Павлова было не умиротворенное, а какое-то тревожное.

— Смущает меня все-таки, что обоих завалили из «ТТ». — Аркаша сделал богатырский глоток, и треть содержимого кружки переместилась в его необъятное пузо.

— А что? Самая распространенная и лучшая машинка для разборок. И дешевая. Китайские «ТТ» стоят копейки. Использовал и выбросил. Одноразовый шприц.

— И бомжа, и воровского авторитета завалили из «ТТ», — повторил Аркаша.

— Ты что, считаешь, одни люди завалили?

— На бомже потренировались. На Плотнике отработали, — предположил Аркаша. — Нелогично?

— Да все логично... Пустобрехство только. Что это дает?

— Не знаю пока... И стрельба на озере была. Мне Кролик простучал. Средь бела дня два выстрела, похоже, пистолетные.

— Когда?

— Да с месяц где-то.

— Ну и что?

— Пока не знаю.

Павлов задумался, постучал воблой о стол, потом приложился к кружке и поинтересовался:

— Слушай, Аркаш, у нас совещание производственное? Давай лучше о бабах...

— Стар я уже для непотребств всяких, — томно потянулся Аркаша.

— Супер стар, — хмыкнул Павлов, косясь на телефон и перебирая в памяти кандидатов, кого можно притащить сегодня в свое холостяцкое жилье.

Где-то Туман слышал, что оружие нужно постоянно чистить и держать в порядке. Разбирать «ТТ» он научился методом проб и ошибок, равно как и собирать.

На столе перед ним лежал его верный друг и слуга. И Туман, никогда и никого не любивший, проникся к этой игрушке самыми теплыми чувствами. Он протирал «ТТ» смазанной тряпкой и гладил ребристую ручку с кружочком и звездочкой в центре. И улыбался.

В окно светило солнце. Внизу жил своей жизнью московский дворик. Тюрьма лежал на диване, задрав ногу на подушку, и хлестал пиво — уже третью бутылку, закусывая солеными орешками, и в целом наслаждался жизнью.

Эту хату в Марьино они сняли две недели назад у опустившегося алкаша, уезжавшего на лето в Подмоскowie. Деньги ему заплатили по московским масштабам плевые, но для Тумана и его корешей еще недавно совершенно фантастические. Но деньги для них как-то в один миг перестали быть проблемой. Есть оружие — есть деньги. Им наконец удалось реализовать эту нехитрую формулу.

После того налета на магазин их жизнь преобразилась. Туман понял, что на самом деле все просто. Не нужно только в критический момент трястись и демонстрировать нерешительность. Закон для всех один — у одного есть пистолет, у другого его нет. У того, другого, одна возможность — смириться и сделать так, как требует человек с пистолетом.

Второй налет они сделали на бензозаправку. Шварц отбивался от этой идеи до последнего, но его уговорили. Все зависело от его участия, потому что он один умел водить. Машину они выбрали старую, не привлекающую внимания, «копейку», и Шварц, взломав замок, умело, напрямую соединил провода, будто всю жизнь этим занимался.

— Бабки давай, сука! — крикнул Туман, наставляя пистолет на кассира бензозаправки.

Два работяги стояли в стороне, окаменев. Их держал на мушке Тюрьма.

— Быстро!

И деньги дали...

Потом была еще одна бензозаправка. Та охранялась лучше, и денег там было больше. И кассир скрывался за пуленепробиваемым щитком.

— У вас барахлит пистолет, — заявил Туман.

— Где? — Дверь будки открылась, и в лоб кассиру был направлен пистолет, только не заправочный, а самый обычный, «ТТ».

— Бабки...

Когда они с добычей усаживались в краденый «жигуль», Туман, улыбаясь, повел оружием в сторону бензоколонки.

— А если выстрелить, взорвется?

— Дурак! — ткнул его в бок Тюрьма. — В воздух взлетим.

— Чего, ссышь, да? — хохотнул Туман, но пистолет убрал...

Это было не хуже героинового кайфа. Шуршание денег, сыплющихся в целлофановый пакет. Ужас людей, в которых плянется зрачок пистолета. И Туман, решающий, жить им или сдохнуть с пульей в груди.

Все было по-серьезному. Все теперь было на самом деле. И Туман ощущал себя серьезным человеком, а не мелкой шпаной.

И деньги. Их было столько, сколько Туман не видел за всю свою жизнь. Это был сладостный момент. Стало традицией, возвращаясь на съемную хату, вытряхивать сумку прямо на пол и смотреть, как купюры усеивают старый выцветший ковер.

Деньги. Их надо тратить. Туман прибахлился. Купил яркую рубашку, кожанку, настоящие американские джинсы, кроссовки «Рибок», очки — темные, такие, как в американских боевиках. Это круто — черные очки, кожанка, джинсы и пистолет за поясом.

Делили добычу по-честному. Так договорились с самого начала.

— За крысятничество на зонах сразу пику в бок, — заявил Тюрма. — Так что будет по-честному.

Денег было столько, что Туману было не жалко делиться. Он смеялся, сминая в кулаке деньги и запихая их в карманы. Шварц брал угрюмо, пересчитывал сосредоточенно, разглаживал купюры на столе и обвязывал резинками.

— Пригодятся, — говорил он, облизывая губы. Он стал еще жаднее, чем был.

Кикиморе тоже что-то перепало, меньше, чем другим. Вид у нее, когда она брала деньги, был какой-то чумной.

— Дела серьезные начались, — нервничал Тюрма. — Проболтается Кикимора. У нее язык, как жало, длинный.

— А мы ее замочим, — хмыкнул Туман.

Но Кикимора, кажется, понимала отлично, чем занимается вся компания, и вовремя завязала на своем длинном языке узел. Она радовалась как малое дите. Приделалась в кожу, нацепила очки «хамелеон», сделала прическу, выкрасив волосы в розовый, с синими и зелеными оттенками цвет, наложила на лицо яркую косметику, так что стала похожа на нечистую силу. И стала говорить отрывисто, с вызовом, по-крутому. И еще приобрела дорогой, с наворотами плеер для лазерных дисков и теперь с утра до ночи слушала «Мумий Тролль», «Иванушек» и особенно Земфиру, припевая:

— Хочешь, я убью соседей...

Переполненный новыми ощущениями Туман даже меньше стал колотья. Зависимость от героина у него была еще не очень плотная, поэтому интерес к окружающему миру не был утерян. И появилось много возможностей весело провести время.

Они исследовали несколько московских дискотек, на которые раньше их на пушечный выстрел не подпустили бы, вход в них стоил по двадцать долларов, а то и по пятьдесят. Кикимора вообще бы годами оттуда не вылезала, она готова была балдеть там не переставая, дергаясь в ритм музыки и иногда пожевывая экстази, который там можно было прикупить без труда. Ее едва кондрашка нехватила, когда на одну из дискотек прикатили «Иванушки Интернэшнл». Приятели ее такой никогда не видели — она, дико визжа, все пыталась прорваться к сцене, сорвать лифчик и кинуть в кумиров, пока Тюрма не сбил ей дыхалку чувствительным ударом локтем по ребрам.

— Башню клинит? — прошипел он, но глаза у нее все равно остались чумными.

Туман московские дискотеки не жаловал. Там была охрана, металлодетекторы, поэтому пушку

не протащишь, а без нее он ощущал себя человеком только наполовину. Зато он пристрастился к постоянным визитам в «Морозко» — местный кабаk с баром. Раньше на визиты сюда не было денег. Теперь кореша могли спокойно с утра до вечера кутить там. Обычно он ходил в бар в компании с Тюрьмой и Кикиморой, Шварц жилился, сэкономил деньги, похоже, мечтал прикупить иномарку или сильный компьютер, о котором прожужжал все уши.

— Не уважает нас качок, — задумчиво говаривал, устроившись на крутящемся барном стуле и уговаривая третий коктейль, Туман.

— Куркуль долбаный, — Тюрьма хлопал джин. — Каждую копейку считает. Если на халяву — тут как тут.

— Не, я за него башлять по кабаkториям не собираюсь. Выяснилось, что праздное времяпровождение требует достаточно много времени. Для Тумана это было нечто новое. Он, привыкший бесцельно шататься по улицам, сидеть в подвале, бесцельно и тягуче убивая часы и дни, вдруг оказался загруженным самыми разными делами. Сегодня — дискач, завтра — кабаk. Послезавтра — проехать, присмотреть новый объект, который можно гробануть без затей.

— Надо брать обменник, — все нудил Тюрьма, заиклившийся на этой идее. — Там баксы.

Он был прав. Но обменник брать трудно. Там охрана вооружена. И щитки пуленепробиваемые.

— Найдем, который легко взять... Туман оторвался от чистки оружия, когда послышались четыре условных звонка. Кто-то из своих.

— Открой, — сказал Туман.

— Сам открой.

— Я занят! — заорал Туман.

— Чего глотку драть? — Тюрьма нехотя поднялся и направился к дверям.

В комнату влетела взъерошенная, злая Кикимора, бросила новую кожаную сумку с размаху на стол и плюхнулась в кресло, закинув ногу на ногу.

— Гад, падла, — всхлипнула она.

— Ты чего? — спросил Тюрьма.

— Теперь здесь буду жить, — сообщила она.

— Чего?

— Папашка, мудак, — она потрогала оттопырившееся красное ухо. — Убью его...

— Да ладно шуршать, — отмахнулся Тюрьма.

— А чего? — по-хулигански вызывающе протянула Кикимора. — Думаешь, не смогу, да? Да я лучше вас всех стреляю! Мне его замочить — раз плюнуть! На спор! — растопырила она пальцы, как братва из анекдотов.

— Ха, Кикимора уже пальцы загибает, — восхитился Тюрьма.

— Я ей по пальцу, — возмутился Туман.

— А чего, возьму пистолет и завалю! — зло крикнула Кикимора.

— У, бля, — удивился Туман. — Ты, соска, место свое забыла? — Он резко вскочил и рванулся к ней. — Забыла, да?! — Он встряхнул ее за руку, бросил в угол кожаную сумку, ударил кулаком по лицу. — Чего, сука? Рот научилась разевать? Да?!

— Ты чего? — всхлипнула она.

— Пистолет она возьмет, — сердце у Тумана стучало. Его пистолет! Его оружие. Самое дорогое, что у него есть!

Кикимора плакала, и тушь черными потоками струилась по ее щекам.

— Тварь мелкая! — Туман залепил ей еще одну затрещину, потом рывкнул:

— Иди в ванную, сопли вытри!

Кикимора зло зыркнула на него и пошла в ванную, размазывая рукой слезы, что-то нашептывая и хлюпая носом.

Если бы Туман слышал, что она шепчет... А шептала она:

— И тебя убью, гад... И тебя...

Теперь Туман знал, что их главный городской кабакторий «Морозко», казавшийся ему совсем недавно покруче «Астории», — самая что ни на есть заштатная забегаловка по сравнению с московскими кабаками. Но других в их глуши не было, а потому приходилось довольствоваться имеющимся.

Когда-нибудь Туман купит себе черную, блестящую черным лаком машину, лучше «Крузер», как у покойного Плотника, и швейцары московских кабаков будут подобострастно открывать дверцу его машины. Так и будет. Но пока он сидел и смотрел на опостылевшие морды, такие знакомые и унылые, своих земляков. Одни и те же морды. Одни и те же разговоры. В углу бара притулилось двое москвичей — здоровяки с бритыми массивными затылками, в костюмчиках-тройках, скорее всего, бизнесмены, из бывших бандитов, приехали какие-то договора заключать. Заодно выпить и найти подстилку на ночь. Они думают, что крутые. Интересно, а если подойти и сунуть им в морду ствол? Сохранится ли на их лицах это брезгливое выражение превосходства?

Кикимора молотила ладонью по столику в такт льющейся из динамиков музыке.

— Па-па-па, — подпевала она.

— Заглохни, — лениво бросил Туман.

— Чего?

— Заглохни, говорю.

Она поморщилась, хотела что-то сказать, но только присосалась к бокалу с коктейлем.

Голова у Тумана была какая-то ватная. Он слез с иглы, ломки вроде уже не было, но внутри образовалась пустота. Он знал, что вскоре опять вколлет себе в вену «герыч». Даже не из-за наркотической зависимости, а потому что пусто и скучно без этого. Но это будет потом. Пока у него еще много дел.

Москвичи-бизнесмены стали клеиться к девам, которых Туман знал как дешевых шлюх. Одна из них хохотала и передергивала плечиками. Москвич что-то вливал с патокой в уши, а она неумело делала вид, что стесняется. Вечная игра, когда самец прорубает дорогу к телу самки. Почему-то Туману стало противно. Ему сегодня все было противно.

Он проглотил коктейль. Это пойло совершенно не действовало. Пустота захватывала внутри него все больше места.

Тут и принесла нелегкая Брокера. На нем был серый костюм, облегающий накачанную массивную фигуру, на пальце светился массивный золотой перстень. Ботиночки тоже были ничего себе. Выглядел он как с картинки У Брокера настроение было тоже какое-то странное, тянущее, тоскливое — то ли бури магнитные действовали, то ли перемена погоды. Ему было страшно скучно. И хотелось развлечений.

Он заказал «Мартини» с тоником, взял бокал, приземлился за свободный столик.

Туман, насупившись, окинул его взглядом. Брокер заметил это и хмыкнул. А через пару минут поднялся и направился к их столику.

— Здорово, Надюха, — кивнул он Кикиморе. — Пошли, потанцуем.

— Не хочется.

— Да ладно ломаться, — Брокер взял ее за запястье и дернул. — Пошли... Договоримся...

Тумана он игнорировал нарочито, и в том закипала ярость.

Брокер окончил их школу три года назад, с первого класса числился в неизменных отличниках и считался бы маменькиным сынком со всеми вытекающими отсюда последствиями, если бы не природное здоровье и целеустремленное увлечение вольной борьбой. Он прожужжал всем уши, как станет после школы финансистом, и за это получил кликуху Брокер. Так получилось, что его тренер по борьбе был одним из ближайших помощников Плотника, и пехоту братаны набирали именно в борцовской секции И год назад Брокеру, в то время уже учившемуся на вечернем экономическом факультете одного из московских вузов, предложили войти в бригаду. Сначала на роль «принеси-подай». Потом — охранником на рынке, следить за порядком на торговых точках и собирать навар. Но он рассчитывал на большее, потому что был дисциплинированным, неглупым и вообще подавал надежды. Брокер был горд до жути, что стал бандитом.

Они знали друг друга достаточно хорошо. Тумана невозможно было не заметить — разговоров в школе было только о нем да о Тюреме, как о людях конченных, уже собирающих чемоданы в колонию. На них в среднем два раза в месяц приходили кляузные бумаги из инспекции по делам несовершеннолетних. Брокера же всегда ставили в пример — вежливый, учится хорошо, думает о будущем, надежда родителей. Туман его ненавидел.

Да, Туман ненавидел Брокера по целому ряду причин. У этого чистюли были нормальные родители. Он трескал всю жизнь за обе щеки деликатесы, икру и карбонаты, тогда как Туман побирался обедками, которые оставались после мамашиних собутыльников, а потому

маменькин сыночек нажрал морду и накачал мышцы, о которых единственному сыну стареющей шалавы-алкоголички нечего было и мечтать. Вокруг Брокера всегда крутились самые красивые девчонки, и он шутил, балагурил с ними раскованно, уверенно. И у Брокера было будущее. К Туману же он относился с презрением, а чаще с безразличием, как к бездомной псине. Внимание уделял лишь затем, чтобы дать пацану подзатыльник.

Вот и сейчас говорил Брокер только с Кикиморой, которая, надо отдать ей должное, в новом прикиде выглядела вполне сносно.

— Не пойду, — томно проворковала она, опасливо косясь на Тумана. В другой ситуации она, конечно, согласилась бы на все, но сейчас боялась своего бешеного кавалера, и для того это не было секретом.

— Да не ломайся. У меня бабки сегодня есть. Не обижу.

— Слышь, Брокер, тебе чего надо? — подал голос Туман, к неудовольствию своему ощущая, как его сковывает слабость, как всегда, при близости этой горы мышц.

Брокер даже не ответил, лишь крепче сжал локоть Кикиморы, так, что та поморщилась:

— Больно.

— Слышь, Брокер, шел бы ты! — воскликнул Туман. Брокер посмотрел на него недоуменно.

— Утухни, шкет.

— Слышь, ты...

— Слышу, — кивнул Брокер, не отпуская Кикимору.

— Ты — пидор гнутый... Брокер уставился на него:

— Что?

— Я твою маму... козлота!.. Греби отсюда! — Голос был тонкий и предательски дрожал, Туман понимал, что выглядит жалко и неубедительно.

— А ты хорошо подумал, что сказал, дегенерат? — задумчиво почесал щеку Брокер и сжал кулак, которым мог разом своротить скулу.

— Пошли, выйдем, — с щенячьей задиристостью воскликнул Туман. — Чего, зассал, да?

— Минут через пять вызови «Скорую», — сказал Кикиморе Брокер и поднялся.

Они прошли мимо охранника, дежурившего у входа в бар, и вышли в заплеванный безлюдный двор.

— Ну ты и вляпался, — хмыкнул Брокер, готовясь броситься вперед. Главное, схватить змееныша, чтобы не убежал. Борец закрывал своим массивным телом выход со двора, и Туману было не проскочить.

— Да пшел ты, козел!

— Убивать не буду Ты просто у меня сейчас кучу дерьма сожрешь, — хмыкнул Брокер.

Единственно, чем мог быть опасен этот щенок — если у него нож. Но на нож он зря надеется. Не успеет и дернуться...

— Это ты вляпался... Я тебя сейчас прикончу! — Туман выдернул пистолет из-за пояса, передернул затвор и направил ствол прямо в лоб Брокеру. — Кабздец котенку.

Брокер шагнул навстречу, протягивая руку, чтобы отнять железяку... И тут как напоролся на преграду. Он вдруг совершенно ясно осознал, что следующий шаг его будет последним. В руке у отморозка был не пугач, не газовик, которым только тараканов травить, а настоящий «ТТ». И еще он понял, что Туман готов выстрелить. И не будет думать ни секунды.

— Ну что, пидор, молись, — Туман захохотал. — Отличничек... Не быть тебе финансистом...

— Ты понимаешь, на кого прешь? — сглотнув комок, протянул Брокер, отступая. Он быстро терял решимость. Вид черного зрачка, смотрящего ему в лоб, гипнотизировал и будто насосом высасывал все силы.

А Туман ликовал. Он, как пустынный вода, пил животный страх, исходивший от его противника.

— Ах да, ты же крутой. Ты в бригаде. Я уже обкакался! — Туман захихикал. — Семь патронов здесь. Тебе одного хватит... Ты понял, что я тебя не прощу? Что я тебя завалю сейчас!

— Тебя найдут.

— Моя забота...

— Слышь, Туман, не надо... — Брокер отступил. Все его надежды на будущее, все мечты о светлой жизни, теплом месте в солидном банке, иномарках и западных счетах, все это обрушится в один миг, если этот дегенерат нажмет на спусковой крючок. — Я... Разойдемся... Извини...

— Да?.. На колени, сука.

— Нет.

— На колени! — взвизгнул Туман. — Я псих!!! Брокер знал это... Сглотнул еще раз тугой комок в горле... Это казалось невозможным. Но еще более невозможной была ждавшая рядом смерть. Брокер вдруг представил, что в его жизни не будет больше ничего. Что этот двор — конец его пути. А эта мерзкая косоглазая морда перед ним — последнее, что он видит.

И, застонав, тихо, сдавленно, как отболи. Брокер опустился на колени.

— Хорошая поза, — оценил Туман, подскочил и саданул ногой в лоб врагу. Но тот не рухнул, удержался на коленях, на лбу отпечатался башмак. — А теперь говори: прости щенка, больше не буду.

Брокер молчал.

— Слышь, я повторять не буду.

— Прости щенка.

— Громче!

— Прости щенка.

— Ладно, щенок. Прощаю... Не бойсь. Никому не скажу. Я доволен.

Брокер с трудом поднялся, он будто лишился всех сил. Пошатываясь, побрел прочь. Его трясло. Он знал, что все это останется между ними. Никогда и никому он не скажет об этом. Язык не повернется. Конечно, после этого он должен убить отморозка. Раздавить его... Но этот холодный черный зрачок ствола и черта, подводимая Под всей жизнью... Нет, Брокеру хотелось только одного — побыстрее забыть, вырвать из памяти этот кусок. Только это невозможно. Эта рана будет затягиваться долго...

Мечта все-таки сбылась. Обменный пункт они взяли. Пасли его долго. И среди бела дня завалились туда вдвоем — Тюрьма и Туман.

Охранник пытался что-то возразить, но тут же получил пулю в ногу. Туман хотел выстрелить ему в грудь, но в последний момент передумал.

— Бабки!

Пожилая кассирша скрылась за пуленепробиваемым стеклом и уже тянулась к тревожной кнопке. Но Туман заорал:

— Бабки! Убью тут всех!

И выстрелил в сторону одного из посетителей, прижавшегося к стене.

Пуля увязла в мягкой обшивке стены.

Дрожащими руками кассирша впихивала пачки денег в «кормушку», через которую они передавались. Столько денег туда не лезло, а кассирша все пыталась запихнуть их.

— Быстрее!

Новая порция денег перекочевала в сумку налетчикам.

— Все? — Туман выпучил безумные глаза.

— Да! — ответила кассирша.

Шварц ждал их на угнанной развалюхе. Когда они отчаливали, видели, как к обменнику со всех сторон съезжаются милицейские машины. И по телу прошла ледяная волна. Сейчас они вполне могли попасться.

Москва — огромный город. Они ушли благополучно, бросили машину и добрались до съемной хаты на метро.

— Отпад! — крикнул Тюрьма.

— Сколько взяли? — Шварца интересовали в их делах только деньги.

— Хватит всем.

Денег оказалось восемь тысяч долларов и полно пятисот — и тысячерублевок, которые лень

было пересчитывать. Вид баксов пьянил.

— Надо отметить! — сказал Тюрма.

— Вон, водяры и вискаря — залейся, — кивнул Туман.

— Ты чего? Этого мало, — Тюрма почесал затылок. — Шлюх бы. Кикиморы нет. Хоть попользуемся.

— Я мимо пролетаю, — проинформировал Шварц и отчалил домой с деньгами.

Туман взял засаленный «Московский комсомолец», зачитанный до дыр, где говорилось об убийстве «известного подмосковного авторитета». На пятой странице были объявления, добрая половина которых касалась девочек для досуга. От избытка чувств некоторые объявления давали в стихах.

— Кого? — спросил Туман.

Тюрма зажмурился и ткнул пальцем в первое попавшееся объявление.

Привезли девчонок через полчаса. Такса была стандартная — тысяча рублей в час за одно эксплуатируемое тело. Мускулистый подтянутый сутенер подозрительно обвел заказчиков взглядом, получил деньги и предупредил:

— Только над девчатами не издевайтесь.

— Ты че, за козлов нас держишь? — с угрозой произнес Тюрма.

— Через час заеду. Если больше надо — готовьте лавэ.

— Приготовим, — пообещал Тюрма.

В квартиру вошли двое девчонок — совсем юная, кажется, только со школьной скамьи, крашеная, с припудренными прыщами на лице блондинка и потасканная рыжая толстушка. Они дежурно улыбались.

— Привет, мальчики, — махнула рыжая рукой, как фотомоделю толпе поклонников.

— Привет, бляди, — отозвался угрюмо Туман. Улыбки у проституток чуть поблекли. Девчонки отработанным чутьем уловили, что этот вечер дастся им недешево.

— Раздевайсь! — приказал Туман.

— Что, сразу? — удивилась рыжая.

И получила от Тумана чувствительный пинок.

— Блядям рот раскрывать, только когда скажем... И пошло-поехало... Голую блондинку заставляли ползать на четвереньках и изображать «лошадку». При этом Туман исправно награждал ее пинками. Тюрма, которому стало скучно, уволок рыжую на кухню и предался любви.

На Тумана же нашло веселое озлобление, когда море по колено и люди кажутся букашками, которым хочется оборвать крылышки.

— Как тебя звать, блядина? — спросил Туман, хлопая ладонью по дивану.

— Оксана, — сдерживая слезы, произнесла деваха.

— Хохлушка?

— С Харькова.

— Давай, сука, работай!

Час пролетел быстро. Раздался требовательный звонок в дверь. Открыл Туман, из-за него выглядывал Тюрьма с косячком в зубах.

— Ну что, братаны, пора, — сказал сутенер.

— Они останутся, — сообщил Туман. Злобное веселье, подпитанное стаканом водки, гнало его вперед.

— Бабки плати.

— Чего? — возмутился Туман. Подумай он здраво, то понял бы, что делает что-то не то. Но он не привык над чем-то задумываться. — Вали, козел!

— Вы хорошо подумали? — спокойно спросил сутенер, — Вали! Он отвалил.

— На хрена нам лишний геморрой? — озадаченно спросил Тюрьма. — Чего, две штуки было жалко?

— А чего он пальцует, падла?

И веселье пошло дальше. Становилось все веселее и веселее. Рыжей попытались засунуть бутылку в интимное место, она начала отчаянно визжать, но Туман продемонстрировал ей нож. Потом Оксану ошпарили кипятком из чайника, она завопила и тут же получила несколько ударов кулаками и ногами.

Музыка гремела Алкоголь туманил мозги.

«Скорая помощь» приехала через час. Заколотили в дверь тяжелые башмаки.

— Твой? — спросил трясущуюся Оксану Туман.

— Я же говорила, они приедут, — всхлипнула она с вызовом и надеждой.

— И чего?

— Теперь не обижайтесь.

— Мы не обижаемся. Мы сами обижаем.

Оксана взвизгнула, когда Туман ударил ее локтем под дых, а потом коленом в лицо.

Он нашарил за книжными полками пистолет и резко распахнул дверь.

Там стояло трое бугаев. Тюрьма тоже передернул затвор и встал за спиной Тумана.

— Орелики, не по чину забираете! — сказал главный из пришедших, с видом доктора разглядывая двух отморозков.

— И че? На пулю полезете? — захохотал Туман, водя перед собой стволом.

— Это просто так вам не пройдет, — сказал главный.

— Все, мочить начинаю, козлы! — завизжал Туман. Бугаев как ветром сдуло.

— Ну что, сучки, где ваши защитнички? — засмеялся Туман, возвращаясь к проституткам.

Тюрьма его приподнятого настроения не разделял, он был угрюмым.

— Чего киснешь? Хлебни, — протянул Туман ему бутылку...

— Не, не надо... Надо ноги делать.

— Ты чего, их испугался? Да они обгадились. Мышцей думали задавить. Вот им! — Туман сделал выразительный жест и захохотал еще сильнее.

Но праздник был испорчен. По инерции кореша попихали ногами проституток. Однако удовольствия уже никакого не получали.

— Все, — сказал резко Тюрьма. — Уходим.

— Ты чего? — изумленно уставился на него Туман, не понимая, чего это корешу вожжа попала под хвост.

— Уходим. Вещи собирай! — Тюрьма поднялся с дивана и начал кидать вещи в просторную сумку.

— Не понял, братан, — поморщился Туман.

— Засыпемся здесь.

Туман встряхнул головой. Уверенность приятеля подействовала на него, и он тоже стал собирать вещички.

— Сидеть тут и не вякать, — сказал напоследок избитым проституткам Туман, выходя из квартиры.

Тюрьма помедлил, задумчиво посмотрел на проститутку, потом вытащил из кармана пачку сторублевок и кинул на пол.

— Без обид, — сказал он. Они вышли на улицу.

— И куда мы идем? — спросил Туман. Было три часа ночи.

— Сейчас тачку поймаем. И домой.

— На хрена?

— Спалились мы.

Когда они ловили машину, то увидели мигалки. К подъезду дома подкатили две милицейские

машины. В подъезд прошли менты с автоматами.

— Это чего? — прохрипел севшим голосом Туман.

— Это за нами.

— Блин. Хорошая хата была.

— Не хер было со шлюхами воевать! — раздраженно выпалил Тюрьма.

— Не хер меня учить! — выпятил губу Туман. Тюрьма лишь махнул рукой.

Шайку повязал ночной патруль. Четверо парней шли, согнувшись под грузом, и не отреагировали вовремя на звук мотора.

— Стоять! — выкрикнул прапорщик — старший экипажа, выпрыгивая из желтого «уазика» с надписью «ПМГ».

Тут участники шайки быстро поняли, что к чему, и дунули врассыпную, побросав честно наворованную добычу.

Прапорщик выпрыгнул из машины и резко рванул вперед, настиг одного, повалил наземь. Второй ударил мента ногой, заработал в ответ увесистым короткоствольным автоматом по зубам и упал, заскулив и сплевывая кровь.

Второй патрульный крикнул:

— Стреляю! Стой!

И выпалил в воздух из пистолета. Третий беглец застыл как вкопанный. Последний, не обращая внимания, только надал ходу и ринулся к тянувшимся складам фарфорового завода.

Наручников была одна пара, ими сковали двоих приятелей. Третьего связали веревками В районный отдел их доставили в полвторого ночи. Задержанных поставили лицами к стенке в коридоре перед дежуркой. В просторном помещении дежурной части выгрузили в присутствии понятых — двух задержанных без прописки молдаван — содержимое мешков. Добыча была богатая — два автомобильных колеса, магнитола, автомобильные зеркала.

По лестнице спустился Аркаша, который дежурил в эту темную безлунную ночь, и развел руками, увидев стоящих у стеночки задержанных.

— Хорь. Какая встреча!

Предводитель банды индейцев Хорек мрачно глядел в стену.

— Сбылась моя мечта. Увижу тебя в тюремной робе. Не все тебе условные сроки огребать, — Аркаша положил тяжелую лапу на спину Хорю и повернул его лицом к себе.

— Не увидишь, — буркнул Хорь.

— Почему?

— Потому...

— Что кончается на "у"? — договорил Аркаша. — Только ты не угадал.

Аркаша посмотрел на остальных задержанных — лица все знакомые, из компашки Хоря. Вся компашка — это мелкая шпана, по большей части несовершеннолетние, рано набравшиеся ума воришки, половина плотно сидит на игле, колет в вену черняшку, вторая половина так же железно — не столкнешь — засела на стакан Несовершеннолетняя мразь, большинству из которых прямая дорога в казенный дом, а потом в бомжи, если до того времени не посадят на перо в уличной драке или не удавят за крысятничество свои же кореша.

Аркаша безошибочно выбрал из компании здоровяка с испуганно бегающими глазами. Его кличка была Фанера.

— Пошли, родной, поговорим.

В кабинете он приложил пару раз Фанере медвежьей лапой по черепу — не так чтобы очень больно, но звезды в глазах вспыхивают. И парнишка, не сомневаясь, тут же раскололся по полной программе.

Потом Аркаша так же успешно поколол второго члена шайки — теперь уже в общей сложности было тридцать эпизодов краж и пара грабежей — шайка подрабатывала, дергая сумки на вокзалах Москвы.

Настала очередь Хоря.

— Права не имеете. — Предводитель шайки уже три месяца не заглядывал в отдел милиции, поэтому немножко подзабыл о простоте нравов, царящих в этом учреждении.

— Да? — удивился искренне оперативник, беря молодчика за ухо и приподнимая.

— Больно, бля! Уй-я!

— Ты, уродец клонированный... Люди всю жизнь на дачу копили. А ты ее ограбил, сжег. Давай, говори, пока яйца тебе в дверной косяк не зажали.

— Не знаю ничего.

Ухо уже начало потрескивать.

— Не ты, так твои кореша все выложат. Сейчас они уже соревнуются в чистописании. Кто первым напишет, тот меньше по харе получит. И меньше срок Ну, шарики с роликами вошли в контакт, да? Извилины заработали? Пиши, сученыш.

Хорь, понукаемый Аркашей, прикусив язык, аккуратно выводя буквы, с бесчисленным количеством самых позорных грамматических ошибок, от которых даже третьекласснику стало бы стыдно, написал признанку, и количество эпизодов сразу выросло до девяносто восьми, поскольку писал он за всю шоблу, которая в общей сложности насчитывала пятнадцать человек. В основном крали из дач — по причине тяжелого материального положения — наркота и выпивка дороги, из ненависти к столичным штучкам, а еще из глубокого внутреннего убеждения, что москвичи должны делиться своим добром за то, что Хорь с компанией народился на белый свет и живет в этой местности.

На все это околелитературное творчество ушло часа три, при этом Аркаша гонял Хоря по каждому эпизоду, как двоечника на экзамене, заставляя припоминать все и писать, писать,

писать шариковой ручкой по серым, тонким листам.

— Ту кражу, из «Форда», когда залепили? — осведомился Аркаша.

— После того, как на озере с Туманом и его шестерками побуцкались, — Хорь поддался на игру в воспоминания, и теперь его не надо было понукать и пинать.

— С Туманом? Леней Тумановым?

— Ну да.

— И кто кого? — усмехнулся Аркаша.

— Мы должны были. Но он как шмальнет.

— Чего?

— Из ствола.

Аркаша призадумался. Потом спросил:

— Из какого ствола?

— Из пистолета.

— Марка?

— А я что, разбираюсь? Длинный такой ствол.

— Куда попал?

— В шину попал...

Хоря и его шайку рассовали по камерам. Весь следующий день угрозыск работал на вылавливание по домам и подворотням остававшихся на свободе членов шайки. Наконец, кроме двоих, все устроились в камерах. Трое упорствовали, ничего не желая признавать. Остальные пели, как соловьи, и теперь остановить их было трудно. Ввиду воцарившегося гуманизма долго в камере они не просидят. Большинство выйдет под подписку о невыезде, а для оплаты дорогостоящих услуг адвокатов снова пойдут воровать и рвать сумки.

Вечером Павлов и Аркаша сидели, уставшие, но довольные, в кабинете.

— Я все думаю насчет того случая, когда Хорь на Тумана налетел, — Аркаша отщелкнул металлическим зубом пробку с бутылки «Балтики» и припал к горлышку. Перевел дух. — Туман выстрелил.

— Может, хлопущка, — сказал Павлов.

— Может.

— Что на этого Тумана у нас есть?

— Да отморозок из молодых. Компашка — он. Тюрьма, Кикимора и Шварц, — знавший все про всех на свете, отчеканил Аркаша.

— Поехали, посмотрим, где эта стрельба была.

— Десять часов.

— Тебя любовница ждет?

— Жена.

— Тогда ничего. Светка подождет...

Они взяли одного из шайки, который присутствовал при той злополучной драке.

Солнце зашло. В темноте у озера мелькали какие-то тени. Слышался женский писк и смех. Аркаша чуть не споткнулся о мирно лежащего бомжа и отвесил ему пинок:

— Под ногами путаешься!

Бомж заворчал недовольно, но тут же рассмотрел обидчика, вскочил и бросился прочь с криком:

— Менты!!!

— Узнают, — самодовольно хмыкнул Аркаша. По всем кустам зашелестело, и в разные стороны заскользили тени, будто крысы на продовольственном складе, завидев санинспектора, забиваются в щели, чтобы не нашли и не обработали ядом.

— Ну, где это было? — вода трехбатареечным тяжелым фонарем защитного цвета, спросил Павлов, луч выдирает из темноты какие-то сваи, катушки.

— Вон, в ту шину он стрельнул, — показал шпаненок на шину, лежащую у склона.

— Ну-ка, — Павлов присел рядом со старой шиной. Вытащил нож. Приподнял шину Поковырял в ней. И извлек сплюсненную пулю.

На следующий день он взял бутылку водки и отправился в экспертно-криминалистический отдел. Леха — эксперт-очкарик, прибившийся в отдел после института химического машиностроения, в бутылке отнесся благосклонно. Взял пулю, положил ее под микроскоп. Сравнил с фотографиями, имевшимися после прошлого исследования.

— Поздравляю. Бомжа того, у теплоцентрали, из этого же пистолета загасили.

— Ничего себе, — присвистнул Павлов.

После бегства с той хаты, на которой, кстати, забыли Кикиморин плеер и несколько нужных вещей, пришлось снимать новую квартиру.

Денег пока хватало, но, естественно, хотелось больше. Шварц предложил грабануть еще пару обменников, у него уже был подготовлен длинный список. Но для этого надо было морально созреть.

Кикимора сбежала из дома, прожила на новой съемной квартире неделю, потом рассорилась с Туманом, которому отказалась чистить заляпанные грязью и неизвестно чем ботинки, он ее отхлестал по щекам, дал кулаком по ребрам — бил он ее злобно, хорошо еще бог силой

обделил. Обиженная, она вернулась домой, решив, что любовь умерла навсегда.

Там ее ждал теплый прием. Папанька вытащил ремень и засучил рукава.

— Только тронь! — истерично заорала Кикимора. Мать, что-то воркуя, увела отца, и тот вроде оттаял. В общем-то, он был рад, что дочь нашлась целая и невредимая и что вернулась в дом, поэтому сумел обуздать свой буйный нрав. Так что три дня Кикимора прожила спокойно.

На четвертый, естественно, она вновь поехала к Туману на съемную хату. Услышала стандартное:

— Где тебя, соска, носило?

Потом он овладел ею, как-то лениво, без интереса, но ей понравилось, и она окончательно оттаяла.

Новый плеер и очки ей купили. Она также купила себе на общаковые средства кожаные облегающие брюки, бижутерию, которой обвесилась, как елка, да еще нарядилась, как ведьма с Лысой горы. И на следующий день отправилась домой.

Это была суббота. Папаня был дома, мрачнее тучи. И, естественно, начался шторм.

— Тебя где опять носило? Ты где это шмотье накупила? На какие шиши? Сколько эти брюки стоят?

— Да ерунда. Каких-то двести баксов, — скривила пренебрежительно Кикимора.

— Двести баксов?!

— А че, деньги, что ли?

— Мы с твоей матерью за такие деньги месяц на заводе корячимся! А ей не деньги! Сумочки эти! Это барахло, — он вытряхнул сумку, на пол посыпались безделушки, косметика, очки, плеер. — Это что?

— Подарили.

— Кто?

— Заработала!

— Где?! — заорал отец, снова встряхивая сумочку — из нее все сыпался какой-то мусор, потом вылетело несколько стодолларовых купюр — достались ей после налета на тот обменник.

Папашка взял купюры.

— Ты где это взяла?

— Там больше нет, — огрызнулась Кикимора.

— Ты... Ты шлюха. На панели стоишь, да? Шалава трассовая!.. Ох, — он схватился за голову. — Я матери говорил. А она — нет, нет... Шлюха. Хрен у негров сосешь за эти баксы, да?!

Он налетел, несколько раз ударил по щекам, начал трясти за плечи.

— Я всю жизнь корячился, вас поднимал. Чтобы дочь в шлюхи пошла!

От него разило перегаром и чесноком. Руки у него были мозолистые, сильные, железные, и стискивал он ими, как тисками, было очень больно.

— Отпусти! — заорала Кикимора. Он толкнул ее.

— Моя дочь — шлюха! Вон!

— Козел, — бросила она.

— Что? На отца?

— Да пшел ты, козел!

Она выбежала из дома. Мир был черный. И в этом мире было две фигуры — она, неприкаянная, обиженная, и он, грубый, дышащий перегаром, ненавистный. Как же хотелось, чтобы вообще его не было...

«Убить бы козла! Убить бы, — вращалось в ее сознании навязчиво. Убить козла!»

Павлов разослал оперов рыскать по городу, узнавать, где может быть Туман с компанией.

— Получите информацию, сами не суйтесь, — приказал он. — У них может быть ствол. Сразу нам на пейджер сбросьте.

А сам с Аркашкой сел в свой выдавший виды «Фиат» и двинул по знакомому заштатному городишку, где каждый столб знаком, каждый дом. И лица все по большей части на улице знакомые, притом многие печально знакомые.

По дороге встретили горожан, которые всегда готовы поделиться с операми новостями.

— Тумана не видели?

— Это малолетний?

— Ага.

— Нет. Он вроде круто так поднялся. В Москве хату вроде как снимает.

— На какие шиши?

— Обокрали кого-то удачно. Начальник, дай бабок, опохмелиться надо.

— Держи.

Шварца дома не было Тюрьмы тоже.

Машина ехала дальше.

— Оп-па! — воскликнул удовлетворенно Аркаша, тыкая справа по ходу, когда они вывернули на улицу Сахарова — мэ-р-демократ в девяносто первом году переименовал ее (раньше она была улицей Маркса), снеся при этом памятник основоположнику бессмертного учения. — Смотри, прикид какой.

— Чего? — отвлекся от дороги Павлов, сбрасывая скорость и пропуская вперед синюю «Волгу» начальника отдела сбыта овощесовхоза.

— Да вон она. Кикимора!

— Она? — Павлов посмотрел на затянутую кожу коренастую невысокую фигурку.

— Она.

— Берем.

Машина тормознула перед Кикиморой.

— Надюша, поехали покатаемся, — предложил, выходя из салона и пошире гостеприимно раскрывая дверцу, Аркаша.

Аркашу она узнала. И сразу, не говоря ни слова, рванула резво прочь.

Аркаша необычайно бодро для своей вовсе не спортивной комплекции и возраста кинулся за ней и в несколько прыжков настиг, обхватил за талию лапами.

— Пошли.

— А-а-а! — закричала Кикимора, пытаясь укусить его за руку. Получила в ответ оплеуху.

— Э, мужики, — остановился около Аркаши работяга в кепке. — Чего от ребенка надо?

— Милиция, — кивнул Аркаша, пытаясь взвалить бешено отбивающуюся Кикимору на плечо.

— Все милиция, — недоверчиво пробормотал работяга. — А документ?

Тут Кикимора на весу извернулась, попыталась лягнуть довольно неловко Аркашу. И послышался стук — из-за ее пояса выпал «ТТ».

Мужик-работяга во все глаза смотрел на пистолет, потом сообразив, что к чему и почему, обернулся и быстрым шагом, готовый в любую секунду перейти на бег, двинул прочь.

Тут Кикимора обмякла, и Аркаша затолкал ее в машину. Павлов поднял пистолет и вернулся в салон.

— Ласточка, — начал он. — Девочки в куклы играют, а не в пистолетики.

Кикимора захлюпала красным носом. И тут же разревелась.

— Пистолет откуда? — любопытствовал Павлов.

— Взяла.

Слезы текли уже в три ручья.

— У Тумана? — наобум брякнул Аркаша.

— Угу, — всхлипывала Кикимора. — Из подвала.

— А зачем?

— Убить его, козла.

— Кого?

— Папашку-у-у, — в голос взвыла она, вытирая слезы и размазывая ладошками по щекам.

Кикимора покололась до основания. Выложила все, что знала, и готова была выложить то, чего не знала. Признавалась она с детским простодушием, увлекаясь рассказом.

В подвале, где она показала, нашли черный «дипломат» с коробками патронов и одним «ТТ».

— Так. У нас еще два «ТТ» ходят, — подбил бабки Аркаша, когда они вернулись после выезда в отдел и расположились в кабинете, самом большом в розыске, где обычно располагалось трое оперов — сейчас все были на выездах.

— Один у Тумана, он с ним не растается, — кивнул Павлов. — Еще один — или у Шварца, или у Тюрьмы.

— Скорее всего, у Тюрьмы, — сказал Аркаша. — Шварцу только деньги нужны на протеиновые таблетки для мышц. Его больше ничего не интересует.

Настала пора собирать всю шайку.

Расклад был суровый. Задержание вооруженных огнестрельным оружием отморожков — тут могут быть любые варианты. Павлов знал, что кидать в огонь своих оперов, у большинства из которых стаж работы в розыске меньше года и пороха они не нюхали, ни в коем случае нельзя.

— Сбор всем, — сбросил он на пейджеры, которые он выцыганил в порядке спонсорской помощи в прошлом году у фарфорового завода.

Через полчаса в кабинете собрался весь розыск — одиннадцать человек, в большинстве своем совсем пацаны. Глаза у них азартно горели, как у волчат, которых берут на первую настоящую охоту. Не каждый день вылавливаешь вооруженных преступников. Мальчишки рвались в бой. А Павлов, с усмешкой поглядев на них, распределил:

— Лунев — на телефоне, в штабе.

Опер обиженно взвыл:

— А можно на задержание?!

— Успеешь назадерживаться. Марков, Васильев — резерв. Столешников — со мной.

Костя Столешников был боксером, резким и подвижным, прошел службу в армии в Чечне, умел принимать быстрые и, как правило, верные решения, и толк с него какой-то был.

— Начинаем...

По полученной информации Шварц мог быть в самом престижном в городке спортзале «Спутник». Как появились деньги, он все свободное время проводил там, тягая стальные блины.

— Ваш билет, — заслонил проход в здание спорткомплекса, бывший спортзал ныне

скончавшегося ПТУ, молодой, бойкий и ничего не понимающий охранник.

— Милиция, — не останавливаясь, произнес Павлов.

— Все милиция. А билеты?

Павлов, не вдаваясь в разговоры, просто снес его животом, а Аркаша еще наградил пинком:

— Знай, кого не пущать, смерд!

Охранник хлопал глазами.

Они прошли в спортзал. Народу там было немного. Один спортсмен колотил, прыгая, ногой по кожаной черной груше. Другой вертелся на турнике. Девушка в спорт-костюме просто сидела на скамейке и чего-то терпеливо ждала. В углу были застелены маты, торчало баскетбольное кольцо. Но главное, что привлекало в спорткомплексе, — отделенный сеткой тренажерный зал. Тренажеры были действительно не хилые, на них хозяева спорткомплекса денег не пожалели

— Во, — указал молодой опер.

Надувшийся Шварц лежал на скамейке, всем своим видом демонстрируя великое напряжение сил. В двух шагах от скамейки стоял его накачанный товарищ. Шварц крикнул, и штанга стала приподниматься.

— А меня можешь поднять вместе со штангой? — спросил Павлов, кладя ладонь на гриф и прижимая штангу к его рельефной груди.

Шварц выпучил глаза.

— Э, ты чего, мужик? — завопил напарник-качок, но Аркаша оттер его и прошипел:

— Вали отсюда прыжками, щенок. Тут свой разбор. «Щенок» все понял. Дяди пришли серьезные. Шварц зашипел, штанга давила на грудь и перекрывала дыхание, жилы вздулись.

— Ну, слабо? — спросил Павлов, еще сильнее вдавливая гриф. — Это тебе не валютники ломать. Шварц запыхтел.

— Признанку писать будешь? Или я сяду на штангу. Спортивная травма. Они бывают смертельными.

— У-ф-ф, — зашипел Шварц.

— Ты кивни, дружок. Будешь признаваться? Шварц кивнул.

Павлов приподнял штангу и устроил ее на подставке. Кряхтя и держась за грудь, Шварц поднялся. Тут же на его руках защелкнулись наручники.

— Где ствол? — спросил Аркаша.

— У меня нет! — кашляя, выдавил Шварц.

— А где?

— Какой ствол?

— Не зли нас, урод... Мы и про московский валютник, и про бензоколонки, и откуда стволы — все знаем... Шварц закусил губу. Потом прошептал:

— У Тумана.

— А у Тюрьмы?

— Тюрьма не ходит со стволом. А Туман ни шагу без ствола...

— Ясно...

Шварца отвезли в отдел и передали на руки следователю прокуратуры.

Следующий адрес — квартира Тюрьмы. Павлов нажал на звонок.

— Кого? — настороженно спросили из-за двери.

— Вас, Серафима Степановна, — сказал Павлов.

— Кто?

— Знакомый ваш. Сюрприз.

Она открыла и застыла, увидев Павлова.

Павлов знал ее отлично — в прошлом содержательница притона, воровка, она полжизни провела в тюрьме, сын появился на свет там же, а вторую половину жизни решила замаливать грехи.

— Что вам, Святослав Кондратьевич?

— Сыночка, — отстранив ее, Павлов, а следом за ним и Аркаша зашли в квартиру. Еще на улице, глянув на окна, они различили за шторами четкий силуэт, определенно Тюрьмы.

Тюрьма действительно был дома. Завидев оперов, он схватил первое, что подвернулось под руку, — увесистый деревянный стул — и во весь голос завопил:

— Не подходи, менты! Живым не дамся!

Аркаша пожал плечами и шагнул ему навстречу. Для него этот стул в руках Тюрьмы был не страшнее мухобойки.

— А-а-а! — Тюрьма бросил в Аркашу стул, сиганул на балкон и спрыгнул вниз.

— Третий этаж! — воскликнул Аркаша, отбивший стул рукой.

А мамаша Тюрьмы дико заорала.

Костя Столешников, считавший, что его поставили внизу просто так — клиент с третьего этажа не выпрыгнет, обалдел, увидев, как с балкона сиганула фигура. Прыжок был классным — как заправский шимпанзе, Тюрьма допрыгнул до росшего в нескольких метрах от балкона дерева и заскользил по веткам вниз.

— Стой, урод! — бросился к нему Столешников. Тюрьма спрыгнул на землю, ловко увернулся

от оперативника и бросился бежать.

Столешников, более быстрый, настиг его.

— Не возьмешь! — зашипел Тюрма, пихая ногой оперативника и нагибаясь за куском асфальта, которым хотел приголубить настырного мента.

Столешников примерился и саданул его своим коронным хуком в челюсть.

Тюрма рухнул, как подкошенный, и задержался, не в силах подняться.

Тут подоспел Павлов и осведомился с тревогой:

— Не убил?

— Нокаут, — сказал Столешников. Тюрма наконец пришел в себя и с трудом приподнялся, сплевывая кровь.

— Вставай, родимый, — поддержал его Аркаша, обшаривая, нет ли чего в карманах.

— Нам теперь долго общаться, — добавил Павлов.

— Может, ОМОН вызовем, — Аркаша задумчиво поглядел на окна пятого этажа, где банда снимала квартиру.

Только что они прозвонили туда по телефону-автомату, ответил Туман. Он был на хате. Изменив голос, Павлов попросил Марью Анатольевну, нарвался на матерный ответ — отморозок вежливостью никогда не отличался.

— Какой, на хрен, ОМОН, — махнул рукой Павлов. — Сами возьмем.

— Главное, в хату попасть. Как?

— Посмотрим.

Они поднялись на пятый этаж. Постояли рядом с дверью. И остановились на самом простом варианте. Павлов спустился на этаж вниз и уговорил тетку за пакет риса и упаковку макарон, которые он купил себе на вечер, позвонить в дверь и произнести:

— Из РЭУ. Квитанции о новом налоге за квартиру надо передать.

— Пошла ты, — донеслось из-за двери.

— А то милиция проверять будет. Бумажку оставить только, и все.

Сработало. Дверь открылась. В проеме появился Туман в синей майке с надписью «Фиджи».

— Здорово, — Павлов прошел в комнату, животом вдавливая Тумана в стену, а потом, разворачивая и снова припечатывая к стене. — Представляться надо?

— За что? — замычал Туман, рот и нос были прижаты к стене, и голос был неважнецкий.

— А ты забыл?

Привели понятых. Все путем. Пистолет лежал под ворохом одежды.

— Чего молчишь? Будешь рассказывать? — зевая, спросил Павлов, когда Аркаша, которому доверили руль, тронул «Фиат».

Павлов ощущал, как напряжение уходит, остается облегчение и радость от того, что закончилось все хорошо. Банда взята без единого выстрела.

— Ничего не знаю, — растягивая по-шпанскому буквы, выдал Туман.

— Твое дело. — Павлов еще шире зевнул. Показания Тумана были не особенно и нужны. Доказательств и без его показаний вагон.

В отделе в большом кабинете, откуда выгнали оперов, разговор был на троих — Аркаша, Павлов и Туман.

— Ну что. Туман, поговорим? Прокурорский следователь попозже будет, пока перекинемся словечком. — Павлов уселся напротив Тумана.

Туман не ответил. Он сидел на стуле, закинув ногу на ногу.

— Будем говорить? — спросил Аркаша. Туман презрительно скривился, нахально глядя на оперативников.

— Хрен тебе, дядя.

— Даже так, — удивился Павлов.

— Ага. — Туман потянулся к пачке сигарет, оставленной на столе операми, вынул одну из них. На его действия взирали с мрачным спокойствием. И тут он начал качать права:

— Я имею право на звонок. И без адвоката не скажу ни слова.

— Ни слова? — удивился Аркаша.

Туман не оценил многообещающей интонации.

— Ага. Менты клятые.

Его слишком вежливо брали и слишком трепетно с ним обращались, и такая уж у него натура: чувствуя мягкость, он принимал ее за слабость и наггел до самого предела, который только был возможен.

— Хер вы меня посадите, придурки!

И тут у него взорвалось в голове. Аркаша бил его ладонью. Когда Туман слетел со стула, Аркаша поднял его, сжал ему горло так, что дыхание перекрыло, снова сбил с ног.

— Тут и сдохнешь, мутант чернобыльский, — сказал Аркаша.

Тут еще пару раз, умело, так, чтобы на теле не оставалось следов, приложился Павлов и потом поднял руку:

— Хватит... Давай, гнида, пиши признанку...

Но Туман ничего не смог написать. Он впал в ступор. И отошел уже ближе к суду, когда в институте Сербского его накачали транквилизаторами. Но окончательно в себя так и не пришел. Стал каким-то заторможенным. Дерьма в нем не поубавилось, но взгляд ежеминутно становился одичалым, а потом тупым.

Жара стояла, как в пустыне летом. Вообще, июнь выдался необычно жарким. В прошлом году тоже было жарко, но не так.

В кабинете вентилятор гонял горячий воздух. Павлов бутылку за бутылкой извлекал из холодильника и жадно пил холодную газированную воду, но легче от этого становилось не надолго.

Прошел год, как взяли Тумана и его банду. Дело было громкое. Рассматривал его суд присяжных. Шварца и Кикимору оправдали. Суд присяжных для того и собирается, чтобы оправдать убийц, в основном потому, что те выглядят невинными и врут искренне. Потом был пересуд, тут уж осудили всех. Не повезло больше всех Туману, он как раз перед налетом на обменный пункт справил свое восемнадцатилетие и получал срок уже как взрослый. Двадцать лет ему предстояло провести в зоне. Тюрьма отхватил червонец. Шварц — девять. Кикимора — как слабый пол, и учитывая чистосердечное раскаяние, — обошлась тремя годами и принудительным лечением от наркомании. Может, ей оно и лучше, потому что на иглу она садилась все крепче, а в зоне у нее не будет такого свободного доступа к зелью.

Туман, несмотря на солидную статью — бандитизм, — долго спокойно жить на зоне не смог. Дал знать подлый нрав. Таких даже уголовники не любят, так что один раз его предупредили, когда сотворил что-то непотребное. А второй раз просто опустили, так что на двадцать лет ему было гарантировано секс-обслуживание уголовников. Павлов эти дерьмовые тюремные традиции не одобрял, но по отношению к Туману это было вполне справедливо.

Послышался осторожный уважительный стук, и Павлов крикнул:

— Открыто.

В кабинет вошел Золотой, ставший преемником Плотника. Его ребята стали выбиваться из-под контроля, так что Павлов пригласил его на профилактическую беседу.

— Слышь, Золотой, оглянуться не успеешь, как сам в камере окажешься, если твои уроды будут в районе беспредельничать, — сразу рубанул Павлов.

— Кто беспредельничает?

— Туз. Кузьма. На коммерсов московских наехали.

— Да они без моего ведома куролесят. — Золотой устроился на стуле, потупив взгляд. — Потом, заявы-то не было.

— Заява будет — тогда я с тобой и говорить не буду, Золотой.

— Да ладно, не кипятись.

— Смотри, Золотой... Плотник куда лучше этих придурков в руках держал.

Золотой раздраженно посмотрел на начальника уголовного розыска, но вынужден был

согласиться и вздохнул:

— Хороший был мужик. Крепкий.

— Крепкий, — согласился Павлов.

— Зря вы тех отморозков арестовали. Мы бы сами их в карьер свезли.

— Да ладно, сами... Если бы война началась, неизвестно, кто бы кого покоцал, — покачал головой Павлов. — Ты не понял, что отморозки сильнее вас? Вы привязаны — у вас дома дети, жены. А у них нет ничего. Мать-алкоголичку в заложники возьмешь? Он тебе спасибо скажет, если ее грохнешь. Дом сожжешь? Нет у отморозка дома. А у вас — дела, офисы, хаты, то да се... Понимаешь разницу между вами?

— Ты не прав, Кондратьич.

— Прав. И получается, что именно они бандиты, а вы так, люди, которые гнут пальцы, и все верят, что у них серьезные намерения.

— Ну ты загнул.

— Все, двигай отсюда. Золотой.

Павлов подождал, пока за Золотым закроется дверь, и томно вытянулся в кресле.

Новый день начинался... И угнетала мысль — отморозков с каждым днем все больше. И если в былые времена они мечтали об одном — нажраться водки и отметелить кого-нибудь ногами в городском парке, — сегодня они садятся на иглу, которая вышибает остатки мозгов. И сегодня, насмотревшись фильмов, рекламы и красивых витрин, они мечтают получить разом все, они мечтают о больших деньгах. И им пока не хватает одного — оружия.

Вот только оружия становится все больше.

Неужели за ними будущее? И ему доживать в стране, где будут заправлять эти уроды?

Павлов поежился и отогнал от себя эту мысль.